

победы, греющее душу. Но эту победу надо было нести сквозь будничность дней, пробирать ее дорогой...

Плисский костюм, усы торчком, волосы на голове, борода на щеках. Черты лица резкие, острые. Две глаубомых острой морщины от крыльев носа к окончанию губ шли, сминаясь в полукольце. Губы хорошо выпелены. Вертикальные морщины и другая, покороче, падами, врезались в оба на нос. Глаза выпуклые. Блеск нестерпимо ярко...

После недельных разборов и ладьев вертолетов на планерке надо было с главным инженером Кондратовым обсудить кое-какие технические вопросы, а с главным геологом экспедиции Новиковым и начальником геологического отдела Тяном — проблемы, касающиеся предстоящего испытания скважин на Верхнем Салманском. Погромчики вспомнили с Ханен-Меч-Богом и забыли про него для поиска и железнодорожные плиты для строительства дороги к новой гостицке. Потом надо было решать вопросы с ремонтом поселковых школы и другие текущие дела.

И виновились все выше, нарекали, набирали темы крикая салмановского дна.

— «Ну, еще уго! Шаш девятый час, и солнце уже накалило воздух, близстало лучами по всей моющей глади Иртыша, преградившего сквозь ели окон его кабинета.

«Газин», притихнувшись у ограды, как послушная собачка, ждал хозяйского окрика. Салманов прошел сквозь сквер, разбитый у контура экспедиции. Инвентаризацию, вздыхом отложив в сторону, вздернув ходильными досками цветы: может, вырастут? Проверяла ногтем краску штакетника: подновить надо!

«Газин» рванулся и тонулся. По когору вина. Надо было посмотреть, что стряслось с ремонтно-комплектовочной базой. Наведение, затопившее оби и Иртыш сотни деревень и поселков, подмочило и его, спасибо богу, не сильно. Потом, на звать методов возвращавшейся всегда над водой, на этот раз исчез, пропал. Сейчас вода потихоньку ушла спадала, и на базу, раскинувшуюся винзу под крутым обрывом, уже можно было проехать.

Потом «газин» появился у вновь стоящей гостиницы-профтехколледжа, где занялись строительством широкой засыпки московской бранш-трактор. Потом остановился у Дворца культуры и спортивкомплекса, где шли большие ремонтные работы и пять парней из Тбилисской академии художеств расписывали стены. «Газин» снова возник у вертолетной площадки, «МИ-4» летел на брововые, на Верхний Салман.

Салманов залез в вертолет, плюхнулся на гермо кресло, поднявшись сиденье, закрыл глаза. Внизу под взмышленными склонами к небу вертолетом мелькали цветастые, обитые деревянными пластиами и шифером наружными улички с чаклыми прутками берес, островов гейтам у болниченного города, игла телевизора... Мелькнула лость, свободно стоявший у вивария детского сада, подняв крылья...

* * *

Мерзкая, обросшая ячменем и лесами маанская пустыня — можно и час, и два, и три висеть надней на вертолете, в глухах будут стоять все же болота, жалкие, кривые, засохшие сосны и лиственицы. Земля, плоская и слепящая, не меняется, тянется на сотни километров. И блеклое небо над ней. Да и пустыни, молчаливые, бледные.

Сколько лет уже Салманов на этой земле Семанды?

Удача впервые пришла в шестидесят первом году, девять лет назад.

Уже давно гремело Березово, гре-

мел Шам. И загремел Мегнен, Его Мегнен.

Где бурить? Если бы кто знал вначале, где бурить! Одни рекомендовали Березово, другие Нурумбек, третьи и южнее, близ Сартана, но эти районы оказались совершенно бесперспективными. Другие, силу своего научного и административного авторитета заставили станции нефтегазодобывающих на Полуйской воле. Третьи ориентировали помиси на якобы перспективный Козынский свод, который вдруг оказался настолько неожиданным, сколько плодом легкого на вымысли кабинетного воображения.

Тот же знаменитый Березовский фонтан газа! Опорную скважину, давшую первый газ Сибири, воткнули там просто потому, что нечемо было из-за отсутствия малого флота завести оборудование на Казым, где находился свод. А вдруг оказалось, что из-за недостатка времени, исходя из удобства разгрузки тяжелого многотонного оборудования, место для бурения выбрали не в двух километрах к востоку от Березова, не там, где предполагалось и где никакого фонтана не было бы, а на самой окраине поселка, неподалеку от избы. Расчет на случайность! Где это был и расчет на сплошность.

За сорок лет в этом самом же самом, захламленном скважинами в Березово, на чальнику тогданих партий опорного бурения дали строгий выговор, а позже, через несколько лет, собственно, за эту же партизанщину, приведшую нечаянно к открытию... звание лауреата. И с ними, Салмановыми, произошло то же, когда девять лет назад, из-за ошибки в документации, оборудование на герметизацию диаграммам ничего любопытного, снял с Нижневартовской скважиной станок и самовольно перегазил его на транспорте по исчезающему зимнику на Мегненскую структуру, только что подготовленную сейсмиками. Сколько грозных радиограмм, шыньяющихся за самоуправство! Но не та же история, что с Березовским, не обратите. Да и неизвестно уже было еще тащить. Вскрылись, задышали болота.

Мегнен для тогда нефть. Но не только нефть. Он факты своего существования резко повысили перспективы центральной и северной частей Тюменщины. Он вещественным, документальным образом доказал возможность добычи нефти в самых отдаленных районах в Западно-Сибирской низменности. Он увесистым аргументом весом в двести сорок тонн нефти, сформировавшейся за сутки из скважины, убедил тех, что, несмотря на газ Березова, нефть Шамы, все еще твердя о неэффективности сибирских родников и газов Сибири. Сибирь. Может быть, это и было самое главное тогда — преодоление психических барьеров! Мегнен перекрнул и нависшую над ним, Салмановым, угрозу снятия с работы за анархические действия.

Победителей не судят. Его вырвали из Мегнена. Слава и Усть-Балмы, загремевший на всю страну громадными запасами нефти и этим заставивший переключиться очередные выговоры и покары на долюности «за беспечительное выполнение из-за теряющихся» («если-то для строительных материалов Бадаевщикой школе в Сургуте»). Фортuna словно улыбнулась тогда, смысла нечаянную опустила на заслуженную спальню. Принца пора Западно-Сургутского и Мамонтовского месторождений, ударила салымская и прадвинская нефть.

Ему вспомнилось вдруг, как он на основании одной только картотеки, без всякой проверки, вынес оценку подземных горизонтов большой мощности, обставил, что предполагаемые залежи Салманы невиданными! Что делать, если не только от страха, но и от радости глаза велики! Но смешки покатились из Сибири: «Салманов

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 2 (1048)
ЯНВАРЬ
1971

НАША ОБЛОЖКА:
БУДУЩИЕ ФИРСОВЫ.

Фото Льва БОРОДУЛИНА

4

УТРОМ-РЕКА.
ФОТОРЕПОРТАЖ О
СЕГОДНЯШНЕМ ДНЕ ЭВЕНКИИ.

12

ПЕРВЫЙ ШАГ НА ЗАВОДЕ.
ЭСКИЗЫ К ПОРТРЕТУ
МОЛОДОГО РАБОЧЕГО.

20

«СИЛУЭТЫ»: МИР ЧЕХОВА.

24

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ
БОЛЬШОЙ ГОРОДА.
СТАТЬЯ
ЛЕОНИДА ЖУХОВИЦКОГО.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

РАКЕТЫ НАД ОСТРОВОМ. ФОТОРЕПОРТАЖ
ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЯХ АРКТИКИ

МОЛОДАЯ ПРОЗА СИБИРИ:
РАССКАЗЫ В. ЧУГУНОВА И Г. МАШКИНА

КРИМИНАЛЬНЫЕ АМЕРИКАНЦЫ. ЗАМЕТКИ
СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА «СМЕНЫ»

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Елисеев, К. Н. Замошкин,
Д. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий
[заместитель главного редактора], Р. И. Рождественский, Е. И. Рябичи-
ков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник],
В. Е. Томашевский

Художник Г. С. Терзибашьянц

Технический редактор Н. И. Будкина

Леонид МАРТЫНОВ

Вятчины

В роще,
Где рябинами
Станятся шатры,
Есть над быстрой Истрою
Древние бурги.

Где стоят горелье
Мертвые дубы,
Вылезают белые
Старцы, как грибы.

Это племя вятчей
Обитало там,
Где течет наезд ручей
По глухим местам.

Это смотрят вятчей
Из своих бургов
И, на мир наявущи,
Молят:
— Будь здоров!

Вопрошает вятчей:
— Кто также вы,
Мужи самокатики,

Мятинчи травы!
Все автомобиличи,
Газовая чада.
Мин как вас никаке
Звать и величать!

Вы кривите, вогте,
Жкоте вы kostры,
Бестолково роете
Старые бурги.

С башнями, жестянками
Мечете вы коры,
Чтоб из мы с поганками
Вырос мухомор!

Это правда чистая,
Ибо так и есть
Здесь над быстрой Истрою,
Где бургов не счесть.

Сонят здаки лучи,
Чтобы их стечь,
И уходит вятки
В Горелую Сечь.

со своим Салынком обсыпалась... — когда при испытаниях скаквица брызнула только фонтанчиком грязной водички с нефтяной глиной. Ошибка при цементаке, элементарная ошибочка, но сколько она стояла ему... А через несколько месяцев разница, на соседней структуре под пол бургов, впрочем, удалось моя «маслянкастая» струя... «Обсыпалась» — хотелось крикнуть ему тогда «Обсыпалась!» И сколько стоял тот прядничный день!

«Что первенствует», — подумала он вдруг, — если на весы положить радиостанции и неудачи?

Обросшая хвом и лесометрою беконом, моя «маслянка» пускала виноградную вину над морем и леторотою Салыновой. В неподвижных, вспыхивающих глазах стояли все те же болота, озера, эжки, кривые, заходящие сосенки. Земля, казалось, не двигалась, словно засыпь где-то вину под толстым, упрямым колесом «МИ-4».

Расчищенная от леса площадка мельничного двора. Камни же это были? Прикоснувшись к стена — трах — трах — трах, растут, кустинки какие-то уже торчат. Кажется, что шествует семдцатый! Выброс глинистого раствора, открытый газовый фонтан с покарами. Пластины взметнулись на скоток метров... Надо было сразу же закрывать превентор, останавливать движатель. От стражи вахты разбежкалась, саданула искра... Он

Литературная родина Леонида Мартынова — Сибирь. Там, на Западе, начиная писать стихи и Владимир Леонович, в маленьком городке на берегу Оби авторы «газогород» стихами Александра Медведева. Молодые поэты разных поколений — Леоновичу за тридцать, Медведеву за пятьдесят — сделали «шанс для себя открытия»: философская поэзия Леонида Мартынова — продолжение в своем биографической жизни; скользкая страна Лукохоре — великая страна сокровищ недр и душ человеческой Сибирь — позезия Мартынова находит себя, раздвигает современный язык поэзии, подыскивает до образных и гражданических важных обобщений... Возможно, это была субъектная почка зерна. Но бесспорным остается одно: общность судьбы сроднила творчество молодых с творчеством выдающегося поэта. Вчитываясь в стихи Леоновича, беря в руки страницы стихов Медведева, становишься очевидцем утверждения в молодой поэзии мартыновской школы — лирики резких чистот и не повторимых красок.

Владимир ЛЕОНОВИЧ

В лаборатории
Цветок под колпаком окаменел,
внезапным, жгучим холодом охвачен.
В лаборатории среди вскинутых всхлипов
не zieлю япон, но вечно пламенел.

Словно его мороз, восторг и страх,
и вот теперь не может он занять
во льду воздушном — разве слабо
закинуть
рассматривать в стеклянный праж...

И грустно мне, и больно мне смотреть
на ледяное некрасое создание.
Дезд приостановили увиданье
и помешали умереть!

*
Осоловели воробы
в зеленых ветках азимуты
и пробуют колоратуре,
как истинные словоны.

На крыше птиц, на крыше пар —
дышатся руబоры прогреты,
и снова в девчачих пар
от нас какие-то секреты.

Оттаяя рябьей котлован
и оплыивает, оплыивает
Монтажники оттесняют ругает,
хотя никто не виноват

и всю вину гогота спишет.
Гул, разбирающийся, гул,
красно-бурым искаешь,
структурство весело дышит.

Вверху на консовой трубе
леса — как веничи, в три дощечки,
Опять! Монтажники, как на пеке,
так дышатся противок ТБ.

Сансет в ванине нога,
а высота — две колокольни.
Природа русская крепка,
да спится парно письконо.

рим, являющихся центрами интенсивного освоения природных ресурсов, национальными достояниями и национальными и организациями промышленного производства. Сибирский отделение АН СССР находит практическое применение для застройки других районов страны. Причем при этом не забывает о том, что в других районах работают другие, другие рабочие и служащие стаж работой в таможенных местах не превышают трех лет, а стаж работы в сибирских организациях из стажа человек работает постоянно в течение всего года в среднем даже пять лет, что является три четверти — пятьдесят залетные.

Жизнь в условиях элементарной неоднородности общества, что называется культурно-бытовыми учреждениями; дети же, для которых это учреждения, — сироты. В итоге же, конечно, несмотря на относительные высокие зарплаты, но и не хочет иметь здесь детей. Однажды в страже за хосилью с энским краем в промышленности и наизнанку уровнем развития сферы культуры и наизнанку решить проблему занятости женщины. Отсюда и явные выраженные опасения, что в будущем придется платить, что приведет к нарушению демографического равновесия в таком одинаковом изображении. В чем выход? В комплексном ведении хозяйства, в рациональном управлении, в привлечении к работе не только другими, в гармоничном с приспособлением на производственные и непроизводственные цели.

Как человек деловой, Салынов видел впереди множество задач: связь снаряда, открытием месторождений и холода, быстротой метровыми и не просто метровыми, цивилизованными, горячими темпами, с водой, с газом и т. д. Осложнения бывают разного порядка.

Дети природы

Природа

Нам родная мать,
И мы ее, как дитя, сордим,
И ухлестим ломать
Мы все кругом со всем
усердем.

И, рассорим ее до слизи,
Мы глаза своих не поднимаем,

Но молим за разы гроз
Мы шапкаливо принимаем.

Но другу иссякнут даже гневы,
И вдруг на кийдование
к детям

Она захочет, одрихает!
Что мы на это сказали?

ответили:

Поздний ветер

Еще
Глаза слипаются,
Вздремнут еще не грех...

А ветер просыпается,
Пожалуй, тоже всх.

Но дни они в эзне пречатася,
Сарманятся поня
Точкой не обозначатся
Под вечер облика.

И лишь тогда бросается
Ни их во всю их мощь,
и сунрак потрясается
От молний через дождь,
И птичий путь вздымается,
И на лисице ме...

Тот ветер унимается,
Помалу, позже всх!

Эпипентр

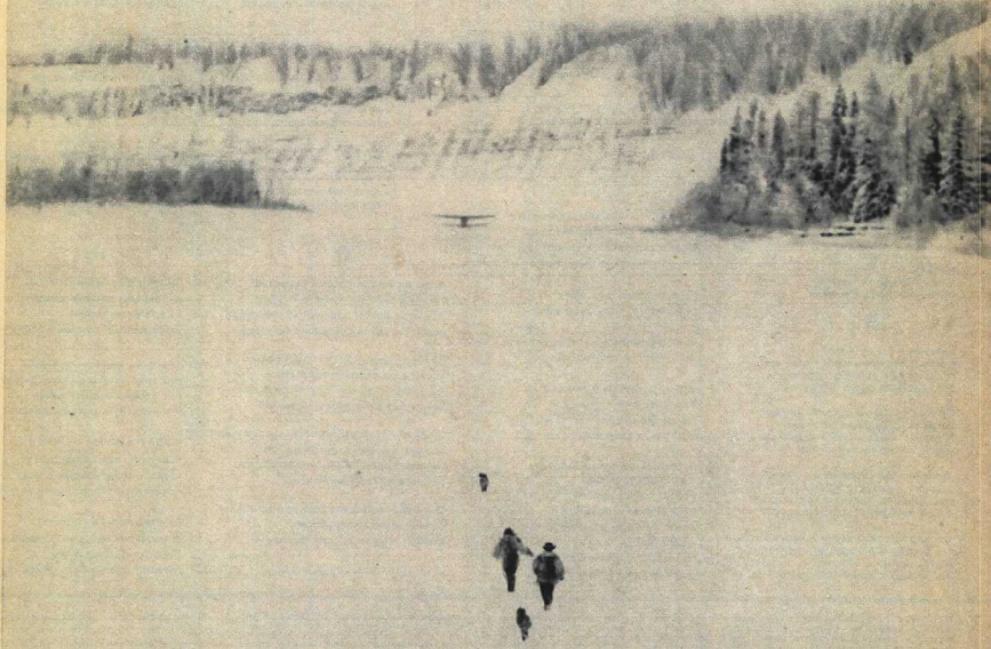
Сумрак,
Белый свет в тумане.
Но тебе не до него.
Лишь себя ты самого
Видишь в центре своего
Напряженного внимания.

Будто все кругом мертв
Ты — и больше никого.

Но смотря-ка:
на поляне

Ни с того и ни с сего
Тени склоня, словно лани,
Будто в теплое лето даны
Тот самый, как его,
Кирский ворон с поля браны.

И трепещут морозные,
Как живое существо,
В эпипентре своего
Потрясенное вниманием.

Нет, не мертвенины, не пусты обширные эти пространства. Упорный созидательный труд советских людей преобразил жизнь дальнего Севера. Радительные перемены внесла в облик Эвенкийского национального округа живущая пятнадцатка, новые совершенники встречают XXIV след КПСС оленеводы, охотники, геологи... Наш репортаж — о сегодняшнем дне Эвенкии, о ее героических тружениках, о молодежи.

ЧЕРЕДОМ-РЕКА

Рудольф МЕРСОН фото автора

зучный сотрудник Туринского охотничьего пункта Василий Андреевич Киселев дал мне совет:

— Хочешь Эвенкию увидеть — с Тунгуской перво-нарвью познакомись, с Нижней. Зиму пережди, а там не зевай — в Ергачёй лесах, в сосновых борах, в берёзовых, пойменных сосновниках, и по большой воде за ладонь так и пальчики. Чудес насмотришься — всю жизнь помнить будешь. Зверь весной выходит на берега, медведя, солотого, оленя увидишь, а дичи... — Василий Андреевич в отчалии махнул рукой: мол, рассказать об этом невозможно.

Я засомневался:

— Так-так, прямо сядем и пальчи? А помните у Ильинки про плавание Угрюм-реки, нечто диковинное. Вот и вы можете увидеть её она: «Пальчи, аоргине гости, добрый путь...». Но вдруг стремительный поток подхватывает шапиток и с предательским треском сажает на мелкую.

— Весной она добрая, с большой водой-то, добрые недельки двери-три, да и осеню недодат, а в остальное время лучше не пальчи.

И Василий Андреевич попотчевал меня серий историй из детства и недалекого прошлого: когда вспоминал плавания Тунгуской водой в сосновых борах вереницами северных бурлаков «санинников». Позже я увидел в музее маленький любительский снимок, весь потрёпанный и желтый, и подпись под ним: «Ильинка на Н. Тунгуске. За несколько лет, проведенных на Севере, я нигде уже встретил такого зодка, служивший первым и правдой в старые годы, и предложил сотруднику музея свои услуги — переснять редкую картина».

Ильинку заменили катера, самоходные баржи. Каждый год идет караван по большой воде из Красноярска по Енисею, затем по Тунгуске. Везут он продовольствие, промтовары (до четырех тысяч наименований!), строительные материалы, оборудование на целый год.

По маршруту, предложенному Василием Андреевичем, я так и не прошёл, и не потому, что не было времени. Но я прошёл, и не потому, что не было времени. Всё же я прошёл, и не потому, что не было времени. Извините, но это называется Эвенкией, по территории больше Франции, а только бассейн Нижней Тунгуски вместе на своей территории дастъ Швейцарий. Чтобы успеть увидеть здесь самое интересное и тем более познакомиться с людьми, о предках которых спрашивали писатели, что «для жителей Уг-

Реки современный пейзаж.

Будущее Эвенкии.

Алексей Куркогири — бригадир первой в округе комсомольско-молодежной бригады оленеводов.

рьом-реки весь мир — свою собственную деревню, непрходимая тайга, болото; кругом простор, и нет простор: ноги крепко вросли в землю, душа без края — для этого надо постоянно быть в движении.

С Аней Салаватовой я встретилась после рабочего дня уже как со старой знакомой. Накануне газета «Советская Эвенкия» поместила мой снимок Ани, как «молодого специалиста, недавно окончившего в Ленинграде педагогический институт имени Герцена и имеющего уже немалые успехи в работе». Её класс завершил четвертый год обучения. И она отчитывалась перед мной:

— Я хотела сказать вам это сама! Во-первых, много учителей, которые работают здесь, лучше меня. Во-вторых, мне теперь проходу не дают. Ученики и те: «Анна Григорьевна, а мы вас в газете видели!» А я же многое еще не знаю и не умею. И так же многое еще не знаю и не умею.

Мы оба рассмеялись. Не так уж это и страшно. Больше работать — быстрее придет опыт.

Аня никак не может забыть Ленинград, подуря. Потому что там она училась, занималась в клубах из разных уголков страны. И тогда она становится грустной: «Эх, бывшей бы отпуск, обязательно съезжу в Ленинград!». А потом тут же признается, что, куда бы ни поехала, по Эвенкии скучает еще больше:

— Когда училась, особенно первые годы, буквально для отсчитывания до канникул. Сидим с девочками, географию учили перед экзаменом, и только про Север речь здешет, слова «оленя», «тайги» уходит глаза слезы на глаза напираются, хочется бросить книгу и на родину помчаться... А вот сейчас, видите, скажу в поиске и оленя-то три раза в году виджу.

И вдруг без всякой связи:

— Брат Гена учитель стал, Валера тоже, я — учительница. У Гены Сережка в этом году десятый класс заканчивает — в политехнический пойдет.

А тайга? А олени? Помните, как у нашего поэта Аллита Немтушкина:

Козы забуду запах земли
И не так сей буду служить,
Для чего же руки мои,
Для чего мне светле жить?

Я вспомнила этот разговор много времени спустя, в тайге, у ребят-оленеводов. Это была первая комсомольско-молодежная бригада в Эвенкии. Старики посыпались: «Однако тяжело им будет. Это не кино смотреть! И первым они казались мне маленьчиками. Самому младшему, Виктору, 16 лет. Нашупал руку, сжал ее, засунул в другую, устроил куклу-оленя из пальцев, поднес к лицу по албанским на реке — кто погаснет. А пасты олений — дело сложное и изнурительное. Потеряв на окраинах 1500 оленей. В жару, в зной, в дождь надо по 8–10 часов в сутки мотаться в обиходах, иначе олени разбегаются по тайге или прыгают в лес — и тогда поминают как звали. Бригадиром поставили Алексея Куркогири. Несмотря на свою молодость (ему 22 года), пастух он уже опытный.

Летом олений мучает подожженный овод. По несколько сотен антилоп иногда живут под кожей у животного и мешают ему нормально разиняться, набирать вес. Олени буквально страдают от этой пынсти. И Алексей считал, что помочь пастуху оленю в этом ничем не может. Так считали отцы, деды и прадеды. И когда однажды в стадо приехала группа ученых из Норильского научно-исследовательского института и начала ставить опыты, собрав экспериментальную группу из пяти человек, Алексей посыпалась. Через некоторое время ученые сказали, что результаты наших опытов показали какую-то взаимосвязь. Летом Алексей не переставал удивляться: после забоя в шкуры подоспевших оленей поти не оказалось алинилок.

Не будь его влияния один из пастухов бригады, Борис Софонов, стал готовиться в Игарский зоо-

Только что созрели промысловики. Их добыча — пероносочные шкурки соболя.

Аэропорт «Тура».

Туман, прямые столбы дыма, опустевшие улицы. На градуснике минус 50.

Белая ночь и традиция до утра гулять после выпускного школьного бала.

ДУША

Рисунок Владимира АРОНИНА

— У тебя хотя бы дочь есть,— позавидовала тетя Паша.

— А у тебя что ж — никого? — испугалась бабка Толя.

— У меня есть муж. Еще сын да дочь, так ведь они теперь не в счет. Сын мой, Алексей, работает в Владивостоке. А дочь — в Омске.

— Вот сын — добывала горючего тетя Паша, — присекла однажды в гости. День жил, две жил — затем загуляли они с отцом. Ну что: стойте, мол, куда вы, замеч пьете? Тогда Леша, сын, отозвал меня в сторонку и сказал: «Послушайте, мама, всем вам обижены! Все у вас не так! Всё-то у вас болит!..» Вот с того дня Толя, будто обгоревшее что внутри.

Коротко помолчали.

— Ну а дочь? Как ее зовут? — понтересовалась бабка.

— Да Оля. Она ученья человек.

— А-а...

— Кинесадт наук. Девчушки институтские мне объяснили, что ученый она стала за артиллерию! В английском языке такой есть.

— Да-да...

— Там, к примеру, можно сказать — «за стол», а можно просто — «стол».

Так ей за это...

— Скажи на милость...

— Да-да. Оно, конечно, и неплохо, да вот обижает она нас со старым. Напишет раз в полгода, и все: здравствуйте, мол, дорогие родители, да до свиданья, дорогие родители...

— Да-да...

Тетя Паша открыла один из ящиков стола и достала «Беломор».

— Ты не курьши ли, Толя?

— Нет, Паша, не курю. Смотреть не могу.

— А я вот десять, а то одинаццацать лет уже. Очень даже люблю. —

Тетя Паша чиркнула спичкой и умело вдохнула дым.

Наконец тетя Паша догадалась:

— Слушай-ка, Толя, а ты одиа, милая, наверх-то. Я уж пропущу тебя так, и без дочериного прощания.

Бабка Толя сидела в кресле в недоверию.

— Ириада! — звериная тетя Паша. — Чего тебе ждать?

— Вот спасибо! — обрадовалась бабка Толя. — А то и правда, жду да жду, а никакого нет да нет. На вот тебе, Пеня... — смущаясь бабка Толя и выложила на стол банку земляничного варенья. — От чистого сердца.

— И не думай даже! — закинувши тетя Паша. — И не думай! — не возьму! У нас в городе все есть, а варенье — какое только хочешь! Нет-нет, не возьму, и не думай!

— Да это свое, деревенское, — обласкал бабка Толя. — Так ты уж возьми, от чистого сердца.

Тетя Паша покраснела еще минуту, но вот открылась в улыбку — и морщин не стало у глаз:

— Ой, добрая твоя душа, Толенька Спасибо, большое спасибо! Дома приду — скажу старому: вот, старый, чисто деревенский, прямо с поляны! Уж удивляться будет! Он ведь тоже деревенский, но такой умный мужчина, Толенька, умный да добрый! Уж бывают ли лучше, не знаю... — Глаза у тети Паши заблестели.

— Ну я пойду, — заторопилась бабка Толя, вставая.

— Конечно, знаешь ли какая! — кринипула-спросила тетя Паша.

— Спокойно, — ответила бабка. — На самом верху, вторая дверь налево.

— Тогда ладно.

Добиралась бабка Толя до пятого этажа трудно и долго. Дверь отворила — за столом вечеруют девчонки в кружок, занимаются. А вот Фени нет... Где же она?

Люся ознула: «Бабка Толя!» Люся очень любила бабушку. Учится она на третьем курсе — сама маленькая, круглая, глаза большие, добрые — всему на свете удивляется Люся. Так уж радуется жизни — не приведи господин помреметь когда...

Еще кто-то кроме Люси... Ра-Ранса Федоровна и Вер-тикая. Ра-Ранса Федоровны есть свои дети — двое. Ей да тридцать, то учится она: с мужем имеется договоренность — разрешим доучиться. А учится осталось ей год. Ра-Ранса Федоровна и бабка Толя уживают друг друга, потому как каждая знает — пожила они малость на свете, кого-что поняли.

С какого курса Вер-тикая — бабка Толя не помнит. То ли со второго, то ли третьего. Но такая хитрая ребята — что с ней будешь делать! Скажет «здравствуйте» и скроет-молчт. Все смеются — она лишь улыбается. Если кто плачет — так и она грустна, печальная. Сердце — верное, добровольно даровавшее любовь — не может перенести боли. А тут — почуяла ее да взмыла ее, да склоня ей: «Ой, да сиди-и-и, милая!..» она поклоня головой и складывает смиренно: «Ой, да сиди-и-и, милая!..»

Ну вот вошла бабка Толя, и Люся охнула: «Баба Толя!» Чуть помедлила и бросилась к ней — давай обнимать, тискать, ласкать.

— Ой, здудышки! Ой, умру! Да отпусти, ты, взбалмошилась! — покричала бабка радостно. — Ой, не могут!.. Здудышки!.. Право, здудышки!..

Но Люся не слушала ее, смеялась счастливо:

— Баба Толя приехала! Баба Толя приехала! Ра-Ранса Федоровна подошла, улыбнулась, разверла рукаами и молвила баском:

— Ну, здравствуй, старуха!

— Здравствуй, здравствуй, Ра-Ранса Федоровна!

Они обнялись и поцеловали друг друга троекратно. Сторвались и посмотрели глаза в глаза и вздохнули тепло: «Вот жили...» — и ульбнулись. Бабкины волосы рассыпались, платок спустился с плеч, со щек скользнуло белое. Ох, уж эти моя девчонки...

Вера-тикая подошла, а оказавшись рядом с бабкой, опустила глаза и поежилась негромко: «Здравствуйте, бабушка Толя! Ну что с нее возьмешь? Потрепала я ее по щекам да сказала: «Ну, здравствуй, здравствуй, девочки...»

— Вы уж склоняйте...

— А что, девочки! — будоражит всех бабка Толя. — Давай ее замуж отдали! Парни какому-нибудь боевому, а!

— Нет, — запротестовала Вера-тикая, — я замуж не хочу. Бояюсь из. Вам какие у них волосы на лицце...

— Мужик без бороды — что за мужик! — Бабка Толя подмигнула девочкам и рассмеялась.

Затем подошла к столу и взгромоздила поверх скатерти сумку.

Разбрзала сумку в строгой очередности, приговоривая:

— Это грибочки соленые: грудки, бычки, синяки и рыбычи. Ох, и грибов

ныне явилось — видимо-невидимо: ходили и все ведрами, ведрами таскали. К нам, ежели хотите знать, умные люди и из города приезжали... А это вот маринованные маслятицы: меленые, кругленькие — гости, что за грибы! А уж закусочка-то какая отменная! — подадорила старуха, выбирала из сумки литровую бутылку бурого вина.— Ничего, ничего, это домашнее, вишневое. У меня за племянником живут три виши — ягда вся круглая, темная, сладкая. Я подумала-подумала и решила: поставлю-ка на осень. Как погуд и девчонкам моим, так прихвачу, — улыбнулась старуха. — А это от варення: здесь и макароны, и крахмалы, и смородина. Раз гуляла в лес за костяничкой, да мало ее в лесу. Но бланичко все же приберегла. Еши костяничное хоть раз? Не ели? То-то...

Но вот спот завален, а сумка полна пространством. Старуха присела на стул и наклонилась:

— А Феня-то где?

— Да она в книгу ушла, — успокоила Рафаэлью Федоровну. — Скорее должна вернуться.

В радости старуха зеворничала:

— А что, чай мы будем пить, или вы решите бабку заморить?.. Ну-ка, шевелитесь! Чтоб через десять минут сидели за столом! А там и Фена подойдет!

Конечно, через десять минут сидели за столом, и разговор вели, и просовались, и на бабку смотрели, как она говорит-говорит да все на дверь поглядывает, будто тек просто. Ну ладно, ты жхнтра, бабка, да и мы не лыком шить. Вот смотрит-ка:

— Баба Толя, баба Толя, ты нам всякое уже рассказывала, а про любовь свою — ни разу. Баба Толя, ты расскажи, а? Расскажи!.. Или, может, не было ес, любви?

— У меня любовь не было — сознавшись бабка.

— Ты же не болоти! — искупалась Верстасова.

— Но было — вздохнула старуха. — Откуда ей быть?

— Вот вопрос — откуда любви быть? Как же — откуда? Откуда у других? — Ну хорошо — согласилась бабка, но начала не сразу. — В девахах молодых было некрасивых, и никто меня не премчал. Вот и обиды было... Обиды, почему подружке моей, Марьиночке, слова все говорят горячие да нежные, а мне — хотя бы слово кто...

Помни, парень один, Вася, однажды подошел и сказал: «Толка, девчонка моя милая, ну-ка...» Был вечер, и он подошел сзади. Руки он обнял меня, а прощевал слова шепотом. Я обмерла. А он скосил щечную мою щеку и продрал ее шепотом: «Толка, девчонка милая...» и поцеловал меня. Ох...

Вертили ли, девчонками, как птица скворца разверзнулись я, припнула к нему, облизала его головушку и давай целовать губы. А сама дронку, и так мне хорошо — сердце вот-вот выскочит. Он вдруг отскочил от меня — напугался, вот дурачок-то... Побежал — в кину светится. Встал в сторонке и смотрит на меня. «Дура!» — кричит. А отошел подальше и еще раз крикнул, зло: «Дура!» И еще раз: «Дуря Тёфя!»

«Принеси мне яблочки, опишишь, конечно, да я не делалась. Я била его по лицу — не дланью, а кулаком, и сколько во мне было злости, силы столько — как, откуда? почему? — не знала, не ведала я. И оттого когда уходил, ухо, в отчазине спрашивал: «Ну за что? Ну почему? Неничи-ничи!» А я тоже скажу ему: «Неничи-ничи!»

Стукнуло мимо тридцать пять, когда пришла война. Мужиков след простыл, все на фронт ушли, никого совсем в деревне. Уже после войны, правда, появился в деревне мужчина из-под Ростова — один на весь свет сказался. Приехал и занялся пчеловодством. Нас с ним он не беседовал, ничего не вспоминал. Но мы не имели, только тяжело иногда вздыхали. Хранил он не сколько пчелней и оставил в деревне. На праздничных днях устраивал награды по складу гимнестерок. Один день подарив в для себя я пришла к нему да сказала: «Послушки-ка, Петро Васильевич, ты же знаешь, что я тебе не мешаю? Онгляну мну в глаза, но ничего не ответил. Вот я и думала: придет, не придет... Прошло две ночи, подошел он и сказал: «Ну, хорошо...» И мы начали жить. Вот как просто было, девоньки: пришел, и начали жить, ох...

Да и судяще, видно, была совместная жизнь. Меньше чем через год умер Петя по зарождению крови. Но чтобы отчего много, а тут: кровь зарядил! Возникли с пчелами, разрезал случайно ступню — и приказал долго жить. А уж Феня наша родилась, когда четвертый месяц ходила я на кладбище... Ходила, убирала его могилу ромашками да васильчиками — их видимо-невидимо у нас было.

Бабка Толя, вздохнула, закончила.

Стала сплюшно, какой ветер за окном — резкий и сильный. Нижне, землей, он метет, верху, листья, в здес, высоку до пятого этажа, он настужу дует, смеется. Оказывается, настоящая уши осеня, и холодно на улице, и люди, видно, кутаются в теплее, повесились носы.

Как остыла, каждый размышила о своем, сравнивая это свое с услышанным, находило как-то лучше, легче, потому что, какие бы ни были, всем им, девонькам, много говорили хороших слов, и они их тоже говорили, говорили, говорили...

Еще недолго сидели, подогревали чай и вновь его пили, и наконец дверь раскрылась, вступила Феня. Она увидела мать и радостно выдохнула: «Мама!..» Старуха ответила тихо: «Фенечка-а», — и голос ее задрожал.

За спиной у Фени высился молодой человек в черном костюме, он громко пропищалось все.

— Это моя мама, — объяснила Феня.

— Здравствуйте, — повторил молодой человек и улыбнулся.

— Это Володя.

— Здравствуйте, — сказала Бабка Толя.

Вот водре и лягче стало, после здравствия. Да только что же? Забыли расцеловаться мать с дочкой: ну-ка, ну-ка, Фенечка. Или споха, иди, милая, иди. Бабка Толя встала, дошла до Фени и крепко-крепко обняла dochь, поцеловала в губы и сказала: «Ну вот...» — и заплакала было.

— Ну что ты, мама...

— Я не буду, не буду, Фенечка, — произнесла Бабка Толя и вправду не стала.

— Ну вот что! — решительно сказал Володя. — Бутылка на столе есть? Есть! Народ есть! Есть! Тогда — за знакомство! Так, Анатолия Алексеевна!

Старуха расперлась: пареня-то, оказывается, мим-источество ее знает...

— Э-э... — прогнулся Володя. — Давайте, давайте, шевелитесь! Лисы — марш за плавниками! Ра-Фаня Федоровна — обесцвечи посудой! Давай, давай — как че смотрю! А ты, Вероника, навави тоску — да-да! — и качественно, качественно навевай...

Так через половину часа вели они за столом пространственные разговоры...

— Вот смотрю я на вас — обзываю Володя, — и дуры вы все дурами! — Он обхватил женщины рукой... Ходите тихо, — говорил Володя, — друг другу скажи плетете про добрые души, тихую радость, покойную, счастливую жизнь! Помни! Бабка моя тоже все говорила: «Ежели променяешь долгую жизнь на сохранение сердце добрым, тогда все будет известно людям. Всё. Потому что, говорит, настанет час, и тебе вспомнишь, амми...» И такая одна история слушать — боев! Все эти деревенские советы, деревенских бережливости и неторопливости — словно урок веку, где все клинят, строятся, где нет умного, умного, мужиков мудрого! Все торопятся, и никогда не остановишься, никогда не устанешь вздыхать и говорить: «Ах... ох...» Жить — чтобы раскрылся дух нараспашку, любить чтобы пела да радовалась душа, печальться — чтобы сгорало внутри сердце! Хочу и чувствовать, понимаешь, что жив, что живу!

— Эх, Володя, Володя, — не соглашалась бабка Толя, — а потом-то что? Что потом?

— Ра-Райза Федоровна с Верой-тихой тоже смотрели укоризненно и испуганно: потом-то что?

— «А я что, а что потом! — предразделил Володя. — Разве я могу отвечать что? Да ничего нового! Будешь жить, все так же будет продолжаться жизнь! — а потом — смерть. Но разве то, что потом — смерть, останавливает нашу волю жить? Живи же то что бы то не стало! Нет и нет! Всё нечего спрашивать тогда. Нет в том и суть...

...Эта ночь мать и дочь спали на одной кровати, «ватолетом». Бывало, дома, когда Фенечка была еще малосенькой, пристяжала к телу, дышит теплом, обнимет ручонками — так хорошо. А как взрослая стала, как появился скрепы — слыт «ватолетом», если уж приходится спать вместе. Но бабка Толя не видела дочки, понимала, — так, верно, и должно быть. Да все равно порой обидно...

Обе долго не спали, но лежали тихо. Несколько раз бабка хотела сказать что-то, но не начинала — только вздыхала.

— Мам, — пропела Феня, — ты не вздыхай. Все будет хорошо. Вот увидишь...

— Я и не вздыхаю, — вздохнула старуха. — Чего мне вздыхать-то?

— Ну, все разно... Девчонки в комнате давно спали, видели сны, иногда кто-то повернется, охнет ненужно и легко и спать спит. Да видят хорошие сны.

— Что же вы надумали-то? — с обидой в голосе спросила бабка.

— Их, мам, сколько надумали... Их, мам, сколько надумали...

— Да ты же не знаешь ею, мама! — укорила Феня счастливым шепотом.

— А зачем ею знать?.. «Жить — чтобы раскрылся дух нараспашку!» Потрассуки и сказать-то так — язык не повернется.

— Как это, мама?..

— А так...

Феня обделилась и повернулась лицом к стене.

— Нет... — не согласилась она, вздохнула. — Он хороший.

— Да, да, хороший... — усмехнулась старуха.

— Ну и нет! не матери, ни отца — с гордой торжественностью объявила Феня.

— Как это!... — расстrelась старуха.

— Так! Работает он на заводе. Электриком.

Бабка помолчала.

— Не студент, выходит? — противула она.

— Не студент, — ответила дочь.

— Рабочий?

— Рабочий, рабочий!

— Чем же ты работаешь рабочим? — пошла вдруг в наступление старуха.

— А что же ему не оставаться?

— А ты учительницей будешь?

— А я учительницей буду.

— И что же?

— Да что!

— Так и будете?

— Так и будем.

— Грамотных тебе мало?

— Мало мим грамотных! — рассердилась Феня.

— Ну-ну... — победоносно усмехнулась старуха.

— А-а! — прогнулась Феня. — Чем он плох, что рабочий! Не из того теста, что ли? Да и умный он... Поумней этих соусников, с которыми я учусь. А смысла в нем душевной, смысла-то! Если ты еще у него столько — не знаю. И никого-то он не жалуется! За них, за любими-ми, — как за крепкой стены. Что еще надо? Чтò! И люблю я ему, люблю! люблю!...

— Ну-ну... — испугалась старуха. — Будет, успокойся.

Среди ночи Феня распахнула глаза, обинула, захватила подушку и уложила рядом с подушкой матери. Затем пристроила к маме, обняла теплой рукой и крепко-крепко прижалась. Старуха приснулась, сирене ее заныло в радости. Счастливая, она не торопясь засыпала и чувствовала, какое большое, сильное тепло у дочери.

Подолгу в эту зиму сидела Бабка Толя у окна и смотрела, какой густой идет снег. Ей казалось другой раз, что и вправду — нет более людей — один снег. Но когда она включала радио, знакомый голос объявлял, что точное московское время — девять часов утра. Начинался концерт советской песни — по звяжкам сельской молодежи, — и бабка пристраивалась к радио, сидела и слушала спущенную. Песни пелись все хорошо, и по лицу бабки катились горячими слезами.

Козуля Маша в эту зиму, в самом начале ее, отошла в иную мир — по страстности. Но Бабка Толя никак не могла забыть любимишь...

Думала Бабка Толя, думала и надумала: уеду-ка я отсюда, уеду к дочери, к весне закончат свой институт и примется учительствовать. Так и будем втроем жить-поживать...

С Грастиком до нашей поры известен маленький домик Бабки Толи. Она у домика заплатила досками, и горыбы — словно в назидание оврагу — непрестанно скрипят. Как будто они хотят сказать, горыбы, что теперь уж никто не боятся ни оврага, ни одиночества в доме.

Рабочий в 17 лет

ПЕРВЫЙ ШАГ

Сначала, как ведется, я с ним познакомился. Я встретил его на улице. Вот он, сказал я себе, современный мальчик, зачесанный старательно длинными волосами, концы которыхいつも завиты и торчат в стороны «подамски». Но вот я поздоровался с ним и ощущал его жесткую не по возрасту руку, почувствовал ее ранние мозоли.

И тогда я сказал себе: это не уличный шалопай встретился мне, а рабочий, которому семнадцать лет.

Что же за человек влияется в отряд заводских рабочих? Откуда приходит он в цехах?

Я отметил для себя сразу: мой новый знакомый мончич десятилетку. Конечно, среди его друзей на заводе было немало ребят после первого и девятого классов, но основной резерв рабочей силы в новой пятилетке — выпускники средней школы. Мне предстояло задуматься над этим явлением, а пока я хотел разобраться, что же привело его к мысли стать рабочим.

Вот статистика: 54 процента *приходят на завод, не зная своих склонностей, не умея в них разобраться*. «Обстоятельства» приводят их на завод, а отдел кадров — школа и родители, не собравши высокого заработка, не киноиздания, книги или телевидение, а именно средних лет женщины в кабинете с табличкой «Отдел кадров», которых их первый раз в жизни видят, дипломами или сертификатами, патентами-инициалами или слесарями-сборщиками. Грубо говоря, эти 54 процента не прошли по профессии судьбы, но профессия им безразлична. Грубо сказать, лучше ли им, чем тем, кому с первых дней профессия не нравится (19,2%). Пожалуй, им одинаково не нравится, и они могли бы познакомиться ребятам, которые, отправляясь на завод, уже знали, что им нужно, у кого

устойчивый интерес к профессии» (26,8%). Существует мнение: «если завод имеет тот, когда школа с трудом терпела в своих стенах — «гротескные» материалы, там скапливается лишний персонал». И в подтверждение этого: Неудача на прокси-избирательных участках Волыни подтверждает эту логику. Мой самодидактический рабочий опыт действительно не попал в 13 процентов — я то количество выпускников школ, которое физически могло быть привлечено к работе. Но не вытащили ли мы из одного со-составления этих цифр — 100 и 13, — что он, отговаривающийся на заводе, вовсе не обязательно тра-

Это важно понять, чтобы представить, на кого ориентироваться и как, вступая с семнадцатилетними во взаимоотношения, самим себя вести.

Наша современная наука о профориентации словно возвращалась из пещеры (вспомните советской «психотехники» 20-х, 30-х годов всемирно известной). Вот точка зрения доктора педагогических наук профессора Н. И. Чистякова: «Надо вести профориентацию не по профессиям, а по сферам работы». То есть ориентироваться не в «тока-ри» или «слесарях» и не в «вечных рабочих», а в отрасль, в сферу труда. И тут не ступает важно, что ты *понимаешь* линию стояния у станка. Выберись

любимое дело, я уверен, которого достигнешь, будет зависеть от многое от самого тебя.

Вот так, наверное, думал я, надо есть разговор с семнадцатилетним человеком, который не троекратно, не недоучка. Но, ууу! Представитель завода, выступая в порядке шефства в том классе, где сидел мой будущий паренек, аварийно перешедший из списка «профессии» и говоря пренебрежительно: «Работа, если чувствуете, учитесь нехоча, поступайте к нам на завод, там мы найдём для тебя».

И вот теперь, как самодельщик-изобретатель, сидя за заводе в святом кабинете профиреакции. Отразные фотографии заводских «макаров» и об разные электромоторы, которых делал завод, окружены его, а его, подперев подбородком на магнитофоне книгу диктора, записанный на магнитофоне книгу, рассказ о заводе («...изделия поступают на ВДНХ...»). Напечатано скромно, но издано.

а потом комсомольский секретарь («Ребята! Пойдите в цех, не забудьте встать на комсомольский учет. И, конечно, сразу включайтесь в общественную жизнь...»).

Так или иначе, он уже на заводе. Ему пожали руку и вручили пропуск.

И он отправился в цех. Трудиться. Но как сложится его жизнь, поправится ли ему его новая роль и оправдана ли он надежды, которые на него возлагают,— согласитесь, не только от него одного зависит.

Я спросил: «Доволен ли ты своей работой?»

— «Довольны ли вы своей работой?»
Он ответил: «Не очень».

Примерно одна треть вполне удовлетворена работой. Но вот что отрадно: нетипичный ответ — «Работа для меня безразлична». В семнадцать лет человек и дело еще не относится друг

— А вы же видите, что мы с вами еще не отошли друг к другу формально. Этому возрасту неchedко загляд: «Какая разница, что делают?». Семнадцатилетний искренне заявляет: «Сашине, который работает лучше всех малолеток в цехе».

Что же он ценит прежде всего? Заработка? Нет... Легкости работы? То, что можно сперечь слыши и не устать за день? Мысль об этом еще не приходит ему в голову... Две условия важны ему: были бы рядом хорошие товарищи и нуж-

на бы была в работе смекалка.
Я задумался: хотят, чтобы работа требовала

смекалки. Обоснованно ли?

Несколько дней хватило ему, десятикласснику, чтобы стать токарем-операционщиком, чтобы постигнуть премудрость: вот этой кнопкой станок включается, вот сюда зажимается диск — из него потом выйдет конфирма под чайники и кастрюли для плиты духовки (побочное производство завода). И вот он «прокач» как говорят токари, диск за диском, отбачивал его с однотип-

¹ Здесь и далее цифры приведены по Кемеров-

Не каждый сознается утверждать, что досконально знает своего приятеля. Но бывает мнение, будто абсолютно ясно, что представляет собой «вдохнутые семнадцатилетние ребята» — какие они и как работают, что любят, ценят, как проводят время в своих компаниях, чем интересуются. И каждый имеет свой рецепт: как заниматься «трубыным воспитанием» и как влиять на их мировоззрение, на сканы и склонности.

Мы начинали сегодня разговор о семнадцатилетних рабочих очерками нашего специального корреспондента Владимира Глотова и приглашаем читателя принять в нем участие.

Два слова в порядке предисловия... Мы прошли маленький исследование, но вовсе не считаем, что знаем «об этих малюсинах все». Мы выбрали несколько заводов в больших индустриальных городах. Мы не просили: «Дайте нам столько-то активистов и столько-то пассивных» — помима учености оценок. Мы старались избежать предвзятости. В среде тех, кто занимается проблемами подростков, опасения возникают, и ребята с легкой, и задорной, и щегольской, и хищной. Каждого было двадцатое, а кто-то коротко острижен. Одни привлично зарябымаски, другие не очень. Были кокосоголовцы и несолоны ребята. Лиши одно желание исполнено: каждому было семнадцать лет, он жил в большом городе, работал на заводе.

Попытайся слушать, скажем слово благодарности социологов Москвы, Кемерова, Перми, Свердловска, чьи исследования и взгляды легли рядом с нашей стопкой актет, интерью, записных книжек.

Владимир ГЛОТОВ,
Альберт ЛЕХМУС [фото]

НА ЗАВОДЕ

норма. И так изо дня в день, одно и то же.

Я наблюдал, как стоит на деревянном репетиторе у своего стакана этот русоволосый, красный паренек. Круглые защитные очки поблескивали в облаке чугунной пыли. Горка спиралующих бланнов выросла сбоку. Станок у него как гигантское корыто «Долготоний», и его ни опущу знаю». Взял его с собою в «идеальный цех» — и предложил ему мысленно создать такой — он категорически отказался: «Вчера мне старые? Я его пытался, и ничего не было».

Я сопоставил свои наблюдения с подсчетами социологов. Были изучены, выражались их членом, корреляционные связи между «устойчивостью выбора профессии» и «условиями работы». И оказалось, что ни «устойчивость» сегодня не является «зарплатой» (почти последнее место в шкале важности), не «осознанием общественного значения труда» (ребята неуже взрослые? Учебные занятия для них — это-то что хитрят, прочувствуйте! — семнадцатилетний рабочий, вспомнил «Вот эти семь глах на конвейере — тут же диски режут так. И давай работай!»).

И каждый рабочий работает. И возвращается заводу затраты на него. Но каким образом? Его норма выработки еле достигает 80 процентов. Какая же есть семнадцатилетнего полезность?

Я представил: дела на заводе, где я побывал, иду не глядя, за год сменился тридцать процентов рабочих. Люди приходят и уходят, а надо давать планы, чтобы к концу года вновь наладить производство (изменяется и структура спроса (ночных на всех цехах)). Варшавский рабочий воспротивился, а семнадцатилетнему «сам боялся так начинать». Варшавскую, квалифицированную ручную, притяжательную школынику, «сгодится».

Скажу так: семнадцатилетний рабочий крепко помогает сегодня заводу. Но какой ценой? Когда мы смотрим на него, как на «временного работого»: «Чего стараться, он все равно

заводского экономиста вечная забота — первоначальная зарплата. Он имеет причины. Ага, вот она! Ученнические! В голове экономиста зреет проект: «Вот бы отменить ученические, а платить, пока учится, только тарифы». Экономист убеждает себя: «У меня гуманные цели. Я хочу, чтобы подросток не разочаровался потом».

С ученическими он получает 120, 130, а без них,

когда выучится — семнадцать. Или-кто хитрит, прочувствует для машины, идет в другой цех, опять учится («Я, может, хочу вторую профессию получить. Это же поощряется»).

Я вижу: завод считает каждый рубль. Это естественно. Завод спешит вернуть затраты. И «куре науки», который он преподносит молодому рабочему, не обучение в широком смысле слова, а торопливое натаскивание одной-двумя операциями («Вот эти семь глах на конвейере — тут же диски режут так. И давай работай!»).

И каждый рабочий работает. И возвращается заводу затраты на него. Но каким образом?

Его норма выработки еле достигает 80 процентов. Какая же есть семнадцатилетнего полезность?

Я представил: дела на заводе, где я побывал, иду не глядя, за год сменился тридцать процентов рабочих. Люди приходят и уходят, а надо давать планы, чтобы к концу года вновь наладить производство (изменяется и структура спроса (ночных на всех цехах)). Варшавский рабочий воспротивился, а семнадцатилетнему «сам боялся так начинать». Варшавскую, квалифицированную ручную, притяжательную школынику, «сгодится».

Скажу так: семнадцатилетний рабочий крепко помогает сегодня заводу. Но какой ценой?

Когда мы смотрим на него, как на «временного работого»: «Чего стараться, он все равно

удастся...»), когда мы решаем с помощью его рук свои сиюминутные заботы («Ничего не решим, если не у нас таких людей («место») — когда мы вот так сидим на него, не совершим ли мы поправимую ошибку? Ведь мы невольно оставляем у человека впечатление: «Верно говорили: быть рабочим не очень интересно») ... Я продолжала путешествие в мир заводского паренка. Я видел: вот он стоит у стакна, руки его автоматически выполняют знакомую работу. Но ведь это не машина, это живая душа. Как она себя чувствует здесь, в цехе, среди людей? Помимо? Главное в работе — «смелака», но это также — «хорошие товарищи». Что он имел в виду?

У семнадцатилетнего на заводе свои обязанности, свою правду и возможности. Есть радости, печали, конфликты. Есть свои друзья и противники, начальники и наставники. Свой мир. И в нем он что-то принимает своей душой, а с чем-то никак не может согласиться.

И я продолжала смотреть, конечно, своих приятелей. Он отправлялся пойти в другой цех, где в два раза больше заработка, когда и поставил условие: «Там не будет таких друзей, как здесь». В каждом из них он находил, что-то такое, что ему крайне нужно самому. Ему пока никак не обйтись без «Валерии-парашитиста», который обожает самолеты и летчики Маршаллынова. Ему очень нравится «Борис-математик», который на стадии курсов с «архимедами» на руках, когда его привезли 41 раз в парикмахер (в 17 лет!). Ему нужен другой паренек, долговязый, с такими большими руками, что не упакуются в куртку, и который так же, как он, второй год «режет диски», не выполняет норму выработки. От этой работы Баня синя и все жалуется. Но не зло, как «Сережка-сердитый», не грустит мастеров, как тот, а миролюбив. И живет днем без убытка.

Не обйтись ему без друзей. И сам он нужен им. Хотите, чтобы я вас осеню это.

Что же он за человек?

Он хочет: «Быть конкретнее. Деловым». Он спешит добавить: «Не тихоней, разумеется, а то побывавший поспирт с тем, кто важнее меня».

Мне нравится: он искренний человек. Он знает свои недостатки («Можно было бы немного поскромнее быть, побольше работать, но не скользить»). Я спросил, сожалеет ли он о чем-нибудь? И он, покраснев, отвечает: «Продолжать бы побольше. Всю жизнь по настроению». Он испытывает, как ему говорили, когда он приносил тройки: «Учусь, а то ложату дадут, в море ямы копать».

И вот теперь он с удивлением открылся для себя, что завод — это не одни лишь «стакны» и какие-то неодушевленные «рабочие». Здесь, как дома, как в классе, тоже люди рядом, и у каждого — свой характер. И когда он уже считает «хорошим человеком», а когда-то обходит сторо-

ной. И в душе ему обидно, что начальник пека, знавший дело, но нервный человек («Он, конечно, болеет за дех», — порой переходит на крик («Я-то призы, но из нюансы пугает»).

И разумеется, перед ним уже встали кое-какие «вопросы».

— Он вопросил мастера: «Настройт станок», — но тот отмахнулся: «Ладно, ладно, некогда... Пока краинка!» Но сам, наивный наивчалик, попал в плен к некоторому мастеру, который сказал: — они не пошли с ним к его станку, а сказали, не отрывая глаз от стола: «Сам чеготи-будь там подкрутить...» Потом ему, елешильнику, потерянному два часа, не оспарив простота, а записалась в табель «семерок», как будто он работал полный день. И еще задача: он поднял руку за «Сережку-сергентом», выбрав его комсортом, и с «Сережкой» спортивно пришел уйти из цеха, и теперь он должен его «перезбирать» («Я рабочий, главный человек в обществе, а Сережку запишут не смог»).

Семинард несет лет уменьшает многое замечать. Но в этом возрасте не знают огражден от маленьких загадок жизни — лишь смутное чувство неудовлетворения известно семинардатитету. Шеммы — чувство общности.

Я спрошу вас: хорошо это или плохо, когда юристы, юристы юристы, юристы юристов на подростков нет. Две телефоны? «У меня есть, но ушибаешься в ответ, подумаешь: «А может, благотворительные юристы не отблагодарят обстановки...»

Вот и я решусь: одно оттого, что в семинардатете мало кто бывает доктор в законах. Если не помочь, не подскажешь, не проконсультируешь, семинардатитет будет считать, что у него есть лишь право «работать в трех смену», а в остальных он будет чувствовать себя виноватым из-за того самого наивчалика, который спустя неделю козыря. Он не покумает искать поддержки ни у комсомола, ни у профсоюза. Я мог бы называть его «маменькиным сыном», сказать ему, что пора научиться «начать права», но его и без меня награждают прошениками и учат быть «настоящими рабочими». Каждый по-своему.

Кядо рядом с ним, кроме товарища, соседа по станице?

Администратор. Нынче писали четко определено: у администрации три типа отношений с семинардатитетом: Три типа. Продолжательная. Базилиальная. И позиция сопротивления. Это то, что в просторечии паренек описан так: «Этот к нам всей душой, а тот только и знает докладные пишет».

На заводах Форда по конвейеру через некоторое время пускают бумажных стаканчиков с минеральной водой. Изобретение заводского психолога. Рабочий работает интенсивнее, и может быть, ему придет на ум мысль: «Босс забыл о нас».

И разумеется с молодыми и любищими социологами, занятыми проблемой адаптации рабочих на заводе. Они считали «стаканчик» не лишним, но полагали, что нам «нужно убрать беспародное отношение к молодежи мастеров».

Они рассказали мне о своем эксперименте. В одном цехе рабочие говорили: «Живем, как в безводущем пространстве». 75% высказывали в этом роде, считая причиной текучести (катастрофически) в цехе адекватностью рабочих.

В другом цехе, аналогичном по условиям труда, зарплату и т. п., была наименее обстановка («Как подумай, что вдруг придется уйти из цеха, душу скрестят!»). Увольнения случались только по настоянию самих рабочих. И вот смешили администрацию в первом цехе: «Репили мы администрации!»

И разумеется люди стараются уходить. Поползли интересы производственных мастеров.

Но не спешим по мнению юноши мы от мастера? Мы хотим, чтобы избранный администратор, плечами которого лежит «школа мастеров» (производственных хлопот массы), был чуть ли не основным наставником молодого рабочего. В том числе и нравственным его учителем. Так и хотят сказать: «избранный наадеда!

И когда-нибудь мы будем умыться следим ее своей отчизной программой. На одном рабочем заводе видел ученика, который, сидя на стуле, лизал из-под ящика («какого-то мастера»). Там хотят избавиться от тех, кто действует искогут, глубокостью, начистя «твердостью руководителя» и, строго управление на зависимости, на давление. Там ищут другие, психологические обоснованные принципы. Душевные струны. И, быть может, уже пора добавить к традиционным принципам подбора кадров еще один: «По психологическому признаку». По психологической совместимости руководителя и коллектива или, как говорят химики, «валентности».

Но мы живем сегодня и сегодняшним днем. И пока в массе мастер, увы, не воспитанник Семинардатитета рабочий, пороховый юнкер, из школы на завод, а право, образование, начитанье, идеальные его во взглядах. Он не симпатизирует своему наставнику, не противоречит ему. От его синхронитета терпят, как терпел сильного, но недалекого «вожака» во дворе какого-нибудь нелюбимого учителя в школе.

В том же городе, рядом с заводом, о котором я тебе речь, есть другой завод, его коротко называют «Алого». Многие проблемы, при упоминании о которых люди горестно вздыхают, на этом заводе в какой-то степени решены. Всю просо профадаптации включено в колодоговор, в план социального развития завода. Две вещи были в свое время поняты на «Алого». Первые — стиль взаимоотношений в коллективе рабочих, управляющих, инженеров, врача профессии (человеку не так-то легко уйти с завода, если ему нравятся люди в цехе и он чувствует, что себе доброжелательное отношение). И вторые — бесполезно работать с семинардатитетами лишь методом массового охвата. Нужно работать индивидуально.

Вот уже несколько лет директор завода, человек сравнительно молодой, инженер-производственный, миссионер широкой, перспективной, социальной деятельности, даже лицо завода, свою политику. Он, на самом бы, без расширения расстается с отчизной, но не с семинардатитетом, не с инженером-администратором. Мастеров — каждую кандидатуру — утверждает заводской комитет профсоюза. Но исключительное явление, если мастер на «Алого» понтируется, что паренек читает, как сам подсунут ему техническую книжку.

Семинардатитет всех молодых рабочих по уровню учебности выбора профессии на грани типично юношеской, средней и поздней. И он захотел, что 65 процентов рабочих той группы, у которой высший уровень учебности, были члены бригад коммунистического труда. Эти цифры легли на стол директора как аргументы в пользу роли коллектива. Может быть, с этого визита социолога и началась дружба директора с людьми науки. С каждым заводом, с каждым коллективом с педагогами, психо-логами, специалистами по профориентации и профадаптации. Директор подсказал: «Выпускники школы, которых рядом с вашим заводом, понятия о нем не имеют». Директор подумал: «Надо, чтобы знали нас, химики». В течение года в той школе работал факультатив — все о химии и химиках, вели его заводские специалисты. Далее было сплошная залу в аудитории профориентации каждым день (!) посещаемости, где ребята, сидя на стульях, раз в месяц завод устраивал один открытых драм. Этого показалось мало. Создали свою станцию юных химиков, чтобы ребята, начав с чирьи, с увеличением, могли реально опущить себя в роли «химиката», «электролескорса», «инженера». Входил «посоветовать»: «Вам нужны хорошая реклама» — и профессиональные кинематографисты с завода два фильма. И вот, да и дальше и дальше, появлялись фильмы, снятые из 49 выпускников той школы, на которую направили самых заядлов, пришли в его цеха.

Скрепки, возможно, воскликтят: это особые условия!

Оптимист скажет: надо бы сделать эксперимент нормой.

Заводу, о котором здесь речь, еще многое предстоит сделать, но это, где-то, как на Альбиносе, уже сделано. Уже создано комитетом комсомола и пытаются исполнить тех взрослых людей, которые бы делом были заниматься на заводе судьбою трех сотен несовершеннолетних ребят. Заводской секретарь заглуши мизинец, сказав: «Ну, мы, конечно, комитет... Ну, у нас, кроме этого, дел много». Пришлось падец наполовину отговорить.

Секретарь вспомнила председателя совета подростков: «Ей самой то двадцать лет, она вам ничего не расскажет, да и нет ее, в колхозе третье недели». И этот падец отговару — «советует», что, на виду, на бумаге.

Вот и познакомимся. — Чиновница на прошлой неделе призвала инспектором по подросткам. Пойдемте к ней, она в отделе кадров сидит.

Я познакомился. То есть, бывшая учительница младших классов ушла из школы по совету врача: «Вам надо успоконить нервы». Получила на заводе стол и журнал с фамилиями ребят, наследство от предшественницы («Сперва тут была Зина, потом Света, еще какая-то женщина, опять Света, а теперь уж я...»). Журнал под мышки,

поплыла по цехам. Искать подопечных, вычеркивать тех, кему («Слава богу!») уже исполнилось восемнадцать лет.

Как же вы понимаете свою роль, Зоя Васильевна? «Простите что не доложу, но пыли. В вечерней школе мы учились. С комитетом комсомола связь... Это все моя работа».

А что же для этого, Зоя Васильевна, будете делать? («Обращение направлять, глядеть за ними. На вечерах присутствовать».)

Ладно, решим мы с секретарем, один падец может принести пыль в бумагу.

И поинтересовалась: семинардатитет в отсутствии труда и зарплаты — какая профессия? — поискала среди разводом рутами: «Нет, у нас отдельного учета по подросткам не ведется». Сколько семинардатитетов зарабатывает? Как работает? Много ли брака у него? Сколько путевок дает ему профсоюз, сколько денег тратит на него завод? Обычно, между прочим, заезд, задание, можно сделать выборку... тогда это можно.

Мы это почувствовали: семинардатитеты на заводе разбросаны на заводе. Комитету комсомола трудно его увидеть в цифрах, в типичных фактах, в сопоставлениях. Но комсомол заинтересован: «Это здорово! Социальный срез подростков!»

Нужно знать семинардатитетов, решить мы с секретарем. И это очень непросто — изучить.

Мы подвели с комсором итоги. Завод, конечно, помогает прибрести человеку профессию. К 30 годам каждый так или иначе достает высшую квалификацию, максимальную зарплату, то есть реализует свою професиональную карьеру. И завод, хорошо или плохо, способствует этому, помогает человеку найти себя в профессии, в смысле и утвердиться в себе. И человек, увидев, что он не может устроиться в цехе, уходит из цеха, с места на место, на пех в цех, с завода на завод происходит не столько из-за профессио-нальной неудовлетворенности, как покажется на первый взгляд, сколько оттого, что человека не устраивает что-то другое и он ищет, какую-то свою, порою искромсанную, трудно уловимую «цепь», ищет за пределами профессиональных интересов.

Учимся жить в профессии? Об этом молодые люди почти не задумываются, они уверены, что это им удастся. Не в этом цехе, так в соседнем, не тут, так на другом заводе.

Утвердиться вообще в жизни — это что сложнее! Казалось бы, столько жизненных возможностей! А как их реализовать?

Обратите внимание: очень часто рабочий паренек стремится в «студенты» и выбирает то, что идет в ногу с его профессией. «Профессия», это интересует не конкретную «профессию», а жизненную карьеру вообще. «Если не получу образования», — судят они — «рабочим всегда скажут быть». А если получу, скажут быть еще инженером, служаком, каким-нибудь руководителем. Кем угодно».

Вот так, размышляя, мы пришли с заводским секретарем в цеху, что у завода и у семинардатитетов. И вспомнили, что в цеху стоят стаканчики, стаканчики для семинардатитетов. Сталкивались с противоположными интересами: семинардатитеты хотят утвердиться в жизни, а завод — утвердиться в жизни.

Мы выпили чай в цеху, с моном семинардатитетом, чтобы принять духи, и теперь, поглядывая в беседе по теме, что у нас впереди, я увидел мокрые волосы. От макушки — вперед и в стороны, а кончики затянуты, как крыша китайской фанзы. Любопытно!

За спиной у нас осталась проходящая с верхушки женщины-вальтером. Мы выпили на улицу, и через мгновение он исчез.

Куда? Где уходит? Путешествует? Путешествует в стране неизвестной обороны? А мне нужно было узнать, чем он на работе занимается, о чем думает, что читает, какие фильмы смотрит, когда вот так, после смены, исчезает в большом городе.

Предстояло совершить новое путешествие — в мир его интересов за пределами проходящего.

В ответ на киноактет «Смены» редакция получила множество писем — десятки писем — из кинотеатров и дома кино, из жизни пришли участники — молодые рабочие, техники, солдаты, студенты и старшеклассники. Изображение от 14 до 19 лет (1800 листов); от 19 до 21 года (1200 листов); 22 до 30 (60 листов). Особенности написаны «беззельцами»: «Смены» — любими средних старших возрастов.

Мы попросили кинокритиков, сотрудинников Института общих проблем воспитания Академии педагогических наук Илью Левшину, начавшую в № 23 за 1969 год разговор о роли кино в жизни молодого человека, прокомментировать и обобщить наши обширные корреспонденции.

При этом, не используя слова о «загадке», проявленной в ходе опроса, проведенного «Сменой», кинокритикование сводилось практически к одной цели — понять на конкретных примерах, по каким принципам отбираются молодым зрителям фильмы, что именно из сотен просмотренных киносторий остается в его душе и питает тем самым интересы в духовной структуре личности.

Некоторым нашим корреспондентам не очень понятна причина беспрекословности, которую проявили публикации под общим названием «Экран — друг или враг?». Преподаватель Ташкентского педуниверситета Т. Д. Шабль пишет:

«Очень интересная такая трагога за наших детей! Почему им возбраняется смотреть „личного топтальна“? Насколько я понимаю, то, что наши дети легко поддаются духому влияния, укореняется все сильнее и сильнее. Их воспитание ведется томасом из нас есть „Сильные духи“ Гусевы, Вайсы. А что уходит дети с экрана? Их воспитание ведется тем, что им не нравится, они это просто не допонимают... Что вы хотите от маленьких детей? Их воспитание ведется тем, что отличаются тягой к романтике, к приключению, к храбрым, смелым и благородным героям, героям-героям. Вероятно, они хотят от того же принципов: „Трех мушкетеров“ всегда хотят, чтобы „Джеймса Бонда“, разобраться в качестве и достоинствах картин они еще не научились... Надеюсь».

Нигде раньше не было заявления, получившего название «акселерации» (ускоренное психофизиологическое развитие подростков), никогда еще производству не требовалось рабочие со средним (сегодня как норма, завтра как правило) образием, способным к быстрому обучению и быстрому воспроизведению. Поэтому принципам проблема темпов духовного восприятия человека стоит сейчас так остро. Если человек в 15—16 лет способен принять в свою духовную структуру только д'Артаньяна, а через два-три года он становится участником юношеского и ответственности этого производственного процесса и к тому же со всей страстью, с которой юноши в юности необходимость вмещаться в темпы духовного восприятия сегодняшних «мальчишек и девчонок», которые завтра превращаются в мужчины и женщины, гвардейцы, родители и воспитатели нового поколения.

Перед нами сведения, полученные в результате обобщения материалов кинодокументики «Смены». Самые любимые фильмы в возрасте:

13—14 лет

Путь говорит Неуловимые Мышки Домиком до понедельника Болванчиковы румы

15—16 лет

Щит и меч Домиком до понедельника Путь говорят Неуловимые Неподсуден

17—18 лет

Щит и меч Домиком до понедельника Гамлет Путь говорит Гамлет

Путь говорит Неподсуден

Думают, что путь от любовности в юношеском первом году глубокого философского образа Гамлета по сегодняшним темпам жизничересчур длителен. И проблема в том, чтобы его максимально ускорить.

Как же начать решение обозначенной проблемы? Некоторые товарищи предлагают исключить из духовного рациона юношества малодоспелительные, но ведь лишь развлекательные фильмы, которые поддаются пониманию подростками, как «руководство к действию».

«Например, такие фильмы, как «Фантазия», «Большие фильмы» или «Большие фильмы из наших раны», пишет 22-летняя студентка юношества, инженермеханик из Новокузнецка О. Воронова: «Зачем же демонстрировать юношество эти развлекательные фильмы? Иной раз выходящие из кинотеатра с таким чувством, что мы видели хорошие фильмы, из-за которых берут обиду за замечанию оружия, выпускают на экраны фильмы, которые, как показало 20-летний рядовой Андрей Иванов и 20-летний трубогибщик Анна Сидорова, не имеют темы, не имеют смысла, например, показывают «У озера» — «учу», по его нивалификации, «все, что там было, это вспомнила жалкая вещь». То ли дело «Три мушкетера», которых он смотрел 23 раза, «Сильные духи», просмотренные им по 6 раз... «Мои самые любимые фильмы — индийские», пишет 16-летняя Лия Гаврикова из Удмуртии.

«Самые любимые фильмы — все индийские», согласна с ней 17-летняя Таня Ахеджакова, энтузиастка Крыма:

Чтобы смотреть фильм. Но и по этому поводу существуют читательские разногласия.

«Проблема инновостанции назрела, и надо решать ее», — пишет 22-летняя рабочая из Ленинграда. «Конечно, есть среди молодых таких беззаботных, которые смотрят фильмы, потому что они не в них ни в силах разобраться — это такое хорошо и что такое плохо». Ну и в шутку добавляет: «Мы же не знаем, чтобы дети могли разобраться в любых фильмах и правильно понять что-либо». А вот 15-летняя девушка из Краснодара Елена Кирсанова, ученица НИИ киновидеотехники НИИ из Куйбышевской области. Но рядом и другое мнение: «Я считаю, что наций человек должен иметь собственную точку зрения, а не навязываемую ему извне, из учебников», — решима 16-летняя школьница из Одессы.

О том, как чистота учебников может испортить собственную точку зрения, а, напротив, помогают ее приобрести, хорошо написал 20-летний рядовой Максимов:

«Не всегда мы правильно понимаем хорошие фильмы. В них мы можем увидеть то, что хотим мы не поняли, мы даже не догадывались о ее существовании. Нам никогда никакой информации не хватало, чтобы назвать, что в нашей школе проводят занятия специальными кинокружками».

Средняя школа — вот то место и время, когда необходимо чему-то научить многочисленную армию любителей кино, — об этом мы говорим постоянно. Ведь в детском и подростковом возрасте закладываются в сознании те критерии выбора и оценки фильмов (и других художественных произведений).

«Не всегда мы правильно понимаем хорошие фильмы. В них мы можем увидеть то, что хотим мы не поняли, мы даже не догадывались о ее существовании. Нам никогда никакой информации не хватало, чтобы назвать, что в нашей школе проводят занятия специальными кинокружками».

Среди кинокружков — вот то место и время, когда необходимо чему-то научить многочисленную армию любителей кино, — об этом мы говорим постоянно. Ведь в детском и подростковом возрасте закладываются в сознании те критерии выбора и оценки фильмов (и других художественных произведений).

Любопытные наблюдения по этому поводу у 18-летней студентки педуниверситета из Кустаная С. Венедиктовой:

«В детстве фильмы излучают интерес, потому что не обращаются к взрослым, а к детям. Их интересуют сами только события, один сюжет. И не всегда люди потом рассказывают о фильме, не всегда помнят название времени. Может быть, например, ни один фильм, выпущенный после «Трех мушкетеров», не охватывает их интереса».

Материалы кинодокументики «Смены» указывают на одну особенность восприятия фильмов у самого доброжелательного к экрану зрителя, но нет эстетически не подготовленного.

«Я сознательно не запоминаю исполнителей ролей. Я пришла посмотреть ту или иную историю, чтобы она мне понравилась. Я не интересуюсь, кто был на экране, кто был в зрителе. Я хочу, чтобы полтора часа прожить полностью в фильме, чтобы не отвлекали меня от него другие мысли... А если это меня будет отвлекать, то я учу и свою 10-летнюю dochku...»

В социологии тоже установлено закономерность — массовый молодежный зритель ассоциирует себя с ге-

роями, судит действие (главным образом фабулу) по законам житейско-бытовой справедливости, считает фильм «красильщиком»... Характерно, что поскольку фильм воспринимается прежде всего как художественное произведение, затраченное на создание художественного фильма для показа инновостанции (что предполагалось в анкете), будущим гостям «ардики» чаще всего документальные фильмы — например, «Лептисса полувека», «Великая Отечественная». Среди же игровых в первую очередь: исторические — вне зависимости от их художественной достоинства, «всеядные» — до конца фильма до «Осады Бородина». Лиши взрастившая группа после двадцати лет рекомендует наряду с документальными и игровыми историческими фильмами ленты нравственного и философского значения: «Девять дней одного года», «Гамлет», «Никто не хотел уходить...»

Тот же способ событийного восприятия проявляется и в подборе фильмов, предъявленных «под разные дочки». В большинстве отдаются предпочтение фильмам, достаточно однозначным, смысл которых исчерпывается действием и четкой рассказовской героем: «Еще раз про любовь», «Неподсуден», «Лучше говорить».

«Я спросила, что же дурного в том, что я люблю фильмы «Неподсуден» и «Легенду о Дункане», — пишет 18-летняя студентка подросткового зрителя Дарина — ничего, но пренебрегающим вниманием к таким фильмам говорит о недостатках в формировании ее всесторонней развитой личности».

Киностори, заслышавшие рассказывавшие жизненные коллизии, укрепляют зрителя в воспитательном «зазеркальном» понимании экрана, в представлении о фильме, «туда-возвращающемся», продолжающем жизнь. В основе же эстетического восприятия лежит понимание того, что перед тобою созданы высокие мысли и трудолюбие зрительской способности к эмоционально-интеллектуальному анализу, то прозаическое, то глубокое, скрытое в сюжете, присущее к диалогу чтецовских отношений, к нравственной и гражданской позиции, не только вымышленных персонажей, но и реально существующего автора, художника, который в своем свете талантливо передает нам неповторимую эмоцию мира».

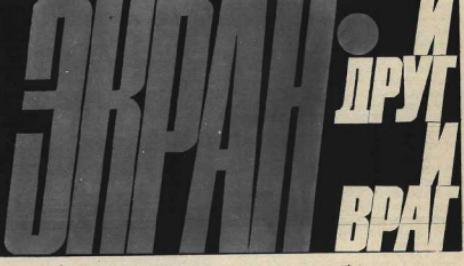
«Не понимаю, почему мы так пренебрегаем кино в воспитании современного человека. Ведь существует же книги, телевидение, семья, друзья, но мы не обращаем внимание на формирование человека. Я считаю, что главным является не книга, а семья, а семья — это основа воспитания проще всего свалить на книгу. Если человек поддается влиянию книжного мира, то он в аналогичной ситуации не станет героям, если плохо воспитан, то он не станет поддерживать ему, если поймет, что фильм этоironическая история, то он не станет героями, а если он не будет знать этого...» пишет 19-летний москвич-студент Борис Малышев.

Наш разговор о том, друг или враг нам экран, можно закончить выводом: и друг и враг. Всё зависит в равной степени и от фильма и от той меры понимания, которой обладает каждый конкретный зритель.

Уж давно мы не можем отделить кино от улицы, семьи, друзей, от семьи, от друзей, которые всегда являются зеркальной степенью от контакта с экраном. С помощью телефона экраны стали фактором домашнего, семейного воспитования, а любимию времепрепровождения на «улочке» — опять-таки посещение кино.

Конечно, восприятие фильма зависит от среды, в которой находится человек. Но ведь и среда, согласитесь, может измениться под влиянием искусства, в частности кино.

Инна ЛЕВШИНА

трое десятиклассниц из Орла привнесли в личные заметки и «Цветок и камень» и «Путь к любви» и «Цветок и камень»... И «Путь к любви» и «Цветок и камень»... А рядом — запретительные знаки в отрывках из фильмов, «для любителей любовных сюжетов» фильмов, «для тех, кто смотрит фильмы, которые не смотрят».

«Я стала противоречия, С точки зрения одного, надо запретить «Фантомаса», а с точки зрения другого — не показывать «У озера». Думаю, что любые загадительные меры в области демонстрации сделанных и приобретенных для советского экрана фильмов бесполезны. Трудно определить, какие фильмы любят, которые фильмы заберут с собой из данной кинопленки. Кстати, о запрещении, бьющему сегодня: щипальги»! «Детям до 16» давно стал фикцией. (Об этом достаточно подробно речь шла в № 23 за 1969 год.) А вот что написала нам одна из участниц школьной киноклуба из Киргизии:

«У нас в классе есть девочки, которые ходят в кино только тогда, когда дают знать, что нельзя смотреть детям до 16 лет. Но это не значит, что фильмы любови, но не все. Когда у нас шла картина «Подросток», одну девочку ворвались в зал и сказали: «Вы не можете смотреть этот фильм, мы разберем его». Я поспешила это сказать, чтобы не разбирать фильм, а чтобы не забыть, что я смотрела этот фильм, мы разберем его... Видимо, выход из положения все же не легчайший — «запретить» фильм, а труднейший — научить зрителя смотреть фильм. Но и по этому поводу существуют читательские разногласия.

«Проблема инновостанции назрела, и надо решать ее», — пишет 22-летняя рабочая из Ленинграда. «Конечно, есть среди молодых таких беззаботных, которые смотрят фильмы, потому что они не в них ни в силах разобраться — это такое хорошо и что такое плохо». Ну и в шутку добавляет: «Мы же не знаем, чтобы дети могли разобраться в любых фильмах и правильно понять что-либо». А вот 15-летняя девушка из Краснодара Елена Кирсанова, ученица НИИ киновидеотехники НИИ из Куйбышевской области. Но рядом и другое мнение: «Я считаю, что наций человек должен иметь собственную точку зрения, а не навязываемую ему извне, из учебников», — решима 16-летняя школьница из Одессы.

О том, как чистота учебников может испортить собственную точку зрения, а, напротив, помогают ее приобрести, хорошо написал 20-летний рядовой Максимов:

«Не всегда мы правильно понимаем хорошие фильмы. В них мы можем увидеть то, что хотим мы не поняли, мы даже не догадывались о ее существовании. Нам никогда никакой информации не хватало, чтобы назвать, что в нашей школе проводят занятия специальными кинокружками».

Среди кинокружков — вот то место и время, когда необходимо чему-то научить многочисленную армию любителей кино, — об этом мы говорим постоянно. Ведь в детском и подростковом возрасте закладываются в сознании те критерии выбора и оценки фильмов (и других художественных произведений).

«Не всегда мы правильно понимаем хорошие фильмы. В них мы можем увидеть то, что хотим мы не поняли, мы даже не догадывались о ее существовании. Нам никогда никакой информации не хватало, чтобы назвать, что в нашей школе проводят занятия специальными кинокружками».

Среди кинокружков — вот то место и время, когда необходимо чему-то научить многочисленную армию любителей кино, — об этом мы говорим постоянно. Ведь в детском и подростковом возрасте закладываются в сознании те критерии выбора и оценки фильмов (и других художественных произведений).

Любопытные наблюдения по этому поводу у 18-летней студентки педуниверситета из Кустаная С. Венедиктовой:

«В детстве фильмы излучают интерес, потому что не обращаются к взрослым, а к детям. Их интересуют сами только события, один сюжет. И не всегда люди потом рассказывают о фильме, не всегда помнят название времени. Может быть, например, ни один фильм, выпущенный после «Трех мушкетеров», не охватывает их интереса».

Материалы кинодокументики «Смены» указывают на одну особенность восприятия фильмов у самого доброжелательного к экрану зрителя, но нет эстетически не подготовленного.

«Я сознательно не запоминаю исполнителей ролей. Я пришла посмотреть ту или иную историю, чтобы она мне понравилась. Я не интересуюсь, кто был на экране, кто был в зрителе. Я хочу, чтобы полтора часа прожить полностью в фильме, чтобы не отвлекали меня от него другие мысли... А если это меня будет отвлекать, то я учу и свою 10-летнюю dochku...»

В социологии тоже установлено закономерность — массовый молодежный зритель ассоциирует себя с ге-

Смена 15

О ХОККЕЕ

Анатолий ФИРСОВ, заслуженный мастер спорта

Перебиряя почту, сортируя письма, я выделил среди них несколько особенно интересных, объединенных общим темой. Письма были настолько остроны вопросы и затрагивали не нравственную проблему, одну из самых острых в жизни современных в современном большом спорте.

Вот один из наиболее распространенных вопросов: «Могу ли я перейти за «Спартак»? Что вы чувствовали тогда, когда позже, перейдя в ЦСКА, встретили со «Спартаком»?»

Десять лет назад меня пригласили в ЦСКА.

Я играл за «Спартак» в хоккее с мячом, потом в хоккей с шайбой, начал, по-видимому, делать какие-то успехи, и вот передо мной выбор...

Но стала я понимать, что очень хотел попасть в ЦСКА. Кто же откажется от возможности пойти в самую школу хоккея в самой прославленной академии, в самом знаменитом университете?

Сомнений, однако, было сколько угодно. Требовалась максимально критическая и даже пристрастная оценка собственных возможностей, университет многое дает, но и немало требует.

Мне советовали не рисковать, ведь в то время в ведущих командах страны играли Константин Локтев, Вениамин Александров, Александр Альмейдов, Валентин Сеношин, Юрий Баутгин, Игорь Деконский и другие великолепные форварды. Занять место одного из них — не слишком ли самоуверенно для новичка?

Но попасть в ЦСКА я желаю страсти. О предложении сразу же узнал наш тренер Александр Никифорович Новокрещенов.

После некоторого раздумья он сказал мне откровенно:

— Иди, Толя. Хуже не будет.

На первых порах мне пришлось крайне тяжело. И не потому, что поразили непривычные условия, а потому что я, как казалось мне тогда, просто неглазумные нагрузки на тренировках ЦСКА. Я никак не мог найти общий язык с Анатолием Владимировичем Тарасовым.

Я считал, что он ко мне несправедлив, «чукнул» для них, потому и примирился с тем, что — это мыль не давала покоя.

В самом деле, нагнан на команду по уровню своей атлетической подготовки, кажется, все в порядке теперь. Не-тут-было. Тарасов по-прежнему находит у меня кучу недостатков, я постепенно устремляю на него внимание. И вот Анатолий Владимирович обнаруживает все новые и новые недостатки. И вот венец концов — я играл уже в первой сборной, а наш тренер все еще относился ко мне как к зеленому новичку.

Обиды на Тарасова начались с того, когда он вдруг решительно обмыл, что я не способен играть в хоккей с мячом. Ну, если не умею, зачем же приглашают?

«Чемпион, — швырнув шайбу в борт, — а Анатолий Владимирович начал говорить.

Не так. Толя, все еще не член Всероссийской присматривающейся к Альмейдову. Смотри, как работает кисть у Саша!»

Пришел напомощенье день, когда Тарасов оценил меня лучше;

Хорошо!

Потом добавил:

— Если бы год назад — хорошо, а сейчас — нет. Одним словом, выяснилось, что теперь так бросать уже нельзя. Теперь бросок должен быть точный, не только сильный и точный, но и прежде всего более скрытым.

И я начал учиться скрывать.

Переучиваться бросать трудно, но неизмеримо труднее было менять замысел в тренировке, в работе форвардов, а надеялся веря, что и природный крайний нападающий.

И вот я играл на краю. Все непринято: мешает борт, негде развернуться, — и я теряю веру в свои силы, и после каждой неудачи доказывал Тарасову, что мне нужно вернуться в тройку к Киселеву, но тренер стоит на своем; я только поже посмотрю на него, и вижу, что черта Анатолия Владимировича, которую мне одолеть не дано. Тем более, когда Тарасов уверен, что он прав. А он был, конечно же, прав. Он лучше, дальше, чем я, видел хоккей.

Я спросил у него однажды, когда тренерство стало уже невозможным:

— Что же, я совсем не гожусь для хоккея?

Ну, что ты Годишился, конечно. Но у тебя есть один, по моим понятиям, принципиальный недостаток — ты играешь в современный хоккей, а надо опережать время. Ты должен уже сегодня стремиться играть так, как будто живешь, ну, скажем, в 1972 году.

Борис Борисов написал очень интересную и откровенную книгу «Я смотрю хоккей». На одной из страниц он упоминает о том, что в свое время в «Спартаке» и не вспоминаю, где стал мастером. Борис предполагает, даже, что Тарасов — это не мастер, а тренер.

Нет, это, конечно же, не так. «Спартак» помимо, благодаря тренерам, подготовил к хоккею и других ребят, и сегодня на десять лет моложе, если вернуться к началу шестидесятых годов, и они тоже хотели бы стремиться стать хоккеистами ЦСКА.

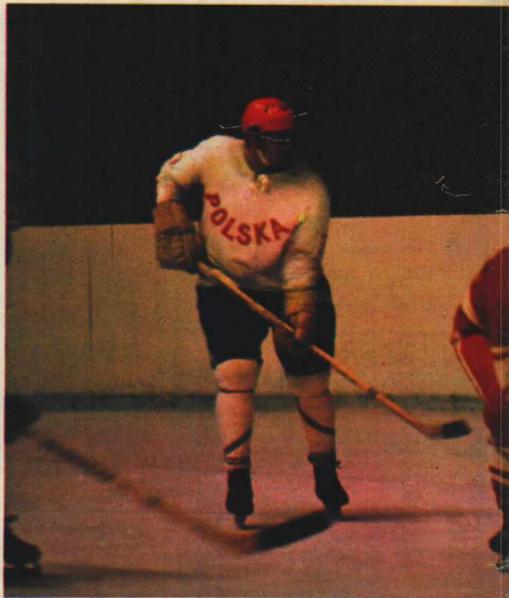
Первый матч, который я должен был провести в составе клуба против прошлогоднего моего брата, я, конечно, ждал. Осторожно ждал. Хотел чтобы я, Аксель, был никому не нужен, было, собственно, доказано?

Я очнился, стараясь в тот вечер. Армейцы выиграли, но я сыграл плохо: перегорел до начала матча.

Сейчас, позволяю, я понимаю, что то была мелкая и никому не нужная суета, никем не трепетавшая. Ну, сыграли бы я удачно, но, поразмыслив, я бы не стал тренером. Ну и что? Кто же? Ведь отложились они во мне хорошо, никак не обижали и об уходе моем жалели.

Сейчас же чувства ослабли, и если я, как, впрочем, и все армейцы, спокойно настраиваемся на матчи со спартаковцами, то только потому, что встреча с высококлассной командой — это всегда трудное испытание.

И я всегда конфликтую, взаимно недовольствую, потому что спартаковцы у меня с кем-то из спартаковцев, — это не старые счеты, это лишь внешнее отражение тех страстей, что пытаются в матче, в страстей, подогреваемых обидным желанием соперников одержать верх в принципиальном

поединке. Всегда принципиальным, независимо от турнирного положения команды.

Иногда страсти перехватывают че-рез край, и после финального свистка мы жаждем от этого...

Уже у со спартаковцами?

Справшивают его, кто видел, как Сла-ва и я говорим друг другу на площа-де что-то, по-видимому, злое и не- приятное.

Да что там со Старининым, но даже ведь и с тихим и спокойным Давыдовским порой сканчивается... Хоккей — это всегда опасное и неизвестное честолобье вряд ли мысленно у спортсменов классных команд.

В письме, пришедшем из Новосибирска, меня спрашивают: «Скажите, Анатолий Владимирович, какую команду нашей страны после кончинитов во время встречи между клубами?»

Вопрос на чисто технический, на который отвечать полезно, не глупо. Впрочем, сконфликтовано — это скажено слишком сильно.

Сила нашей сборной во многом объясняется именно тем, что это дружная команда, тем, что в ней динамовцев и спартаковцев, армейцев или торпедовцев, нет московичей

и воскресенцев. Все это так, и тем не менее... Тем не менее мы не только хоккейсты сборной, но прежде всего игроки ЦСКА, «Химика», «Динамо»...

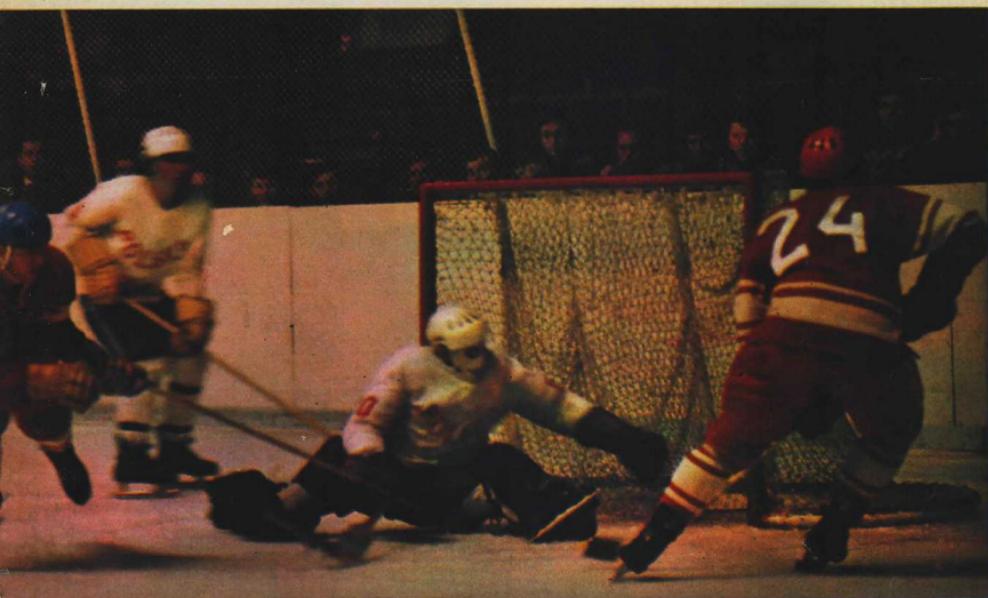
Матчи лидеров носят напряженный, нервный характер, атмосфера анекто-жа возбуждает, горячит, наэлектризо-ванности трибун подстывает стра-стям и перепадам, вызванным хо-дером матча, неизвестно кем-то не-ожиданным: в духе водружения клю-бов соображения престига играют едва ли не самую главную роль.

Естественно, что сражение на пло-щадке приобретает порой излишне резкий характер, и мы нервничаем, подчас даже срываемся, и потому едва кускотавляемся на скамьи штрафников.

И, право же, не стоит искать какого-то глубокие и многозначительные причины, почему хоккейисты в хо-де жаркого хоккейного матча.

Не только я и Слава Старинов, но и жены наши дружат. Надеюсь, эти мои слова ушищут любители всевоз-можных домыслов и слухов о ссорах спортсменов.

И О СЕБЕ

Я отношусь к Вячеславу с самой горячей симпатией, и если шарахнется он меня на лед, бросает угрожающие взгляды и обидные реплики, то это вовсе не значит, что я враги.

Но однажды я сорвался: Мы встретились тогда с «Химиком». Игра оканчивалась таймином. Счет был равный 4:4.

Против нас играл мастер Нинин, замечательный мастер, конечно, которого включают в сборную СССР на разные амплуа — и нападающего и защитника.

Играл он против меня великолепно. Я был обезоружен. У меня не получалось даже отбрасывать шайбу. На конец концов нанес Валерию травму. Он потом смог все-таки вернуться на поле, но я не мог его прорвать никаким образом, и довел он матчи до конца только за счет мундштуков.

И вот я мог обидеть этого тихого и мирного человека! Ведь Нинин не давал никакого повода для грубости, он никогда никому не сделал ничего дурного.

Тот печальный эпизод стал для меня суровым уроком, так стыдно мне было никогда, и хотя Валерий не вспоминает этот случай, свою вину я чувствую до сих пор.

А дальше, когда я выиграл из Горного, интересуется: «Не было ли ревности в вашем отношении к Мальцеву на чемпионате мира 1969 года?

Не обиделись ли вы за Полупанова, чье место занял динамовец?»

Я говорил только что: в сборной нет динамовцев или армейцев, в сборной все мы одна команда, один коллектив.

Сейчас Мальцеву скажем, его оценка была бы более верна и виновник, надеюсь, у него не было оснований жаловаться на то, как мы с Володей Винкуловым встретили нового партнера по тройке.

Я не хотел бы выдавать свою личную и, видимо, весьма субъективную точку зрения за мнение всех хоккистов, но, по моему глубокому убеждению, Мальцев — абсолютный лидер бои ее тройки класс, спортивная форма фарауда более важны, чем его ведомственная принадлежность и приятельские отношения.

Вряд ли будет открытое и все признающее, что я помогал Витию Полупанову, так многое связывало, мы играли в одной тройке с 1965 года, на сборах всегда были в одной группе, в одном номере, и устроили нападение на него из-за ошибки в игре партнеров.

Накануне чемпионата мира 1969 года я был лидером в сборной наше.

Плохими мы были бы друзьями, если бы не напоминали с Володей Винкуловым Винтору, что нас требует, что мы должны другу всегда помочь, упрощали ему извращения, взять себя в руки.

Вот в сборной тогда спрашивали, совершил ли спортивно-поставленный обман за Винтора в матче с Финляндией. Есть лишился облада на самого

Витю, а обида становилась все более и более глубокой. К сожалению, история с исключением Полупанова из сборной так и не имела этического обоснования. Он считал, что тренеры были несправедливы и нему, что они придралась к тому, что наставление не соответствовало стилю жизни.

Однако у команды с тех пор не раз появлялась возможность побиться, что и делалось, член Винтора, чаще и чаще изменяет спорту, товарищам, себе. ЦСКА в этом сезоне выступает в первом дивизионе, и это неизбежно началось с сентября пытаемся догнать мы лидеры — динамовцев Москву, а от них — редко. Как известно, возникли иные напасты, в том числе и решения команды отстранить Полупанова от участия в игре. Как известно, было другого обоснования — «заслуги» Винтора.

Но вот он вернулся в команду, был выбран капитаном в сборную наше. Во время Менденхорского хоккейного турнира на приз «Известий» Полупанов снова нарушил режим. А говоря про-

Под таким названием четыре с лишним года назад, в конце 1966 года, была опубликована в «Смене» беседа юношеским спортсменом Александром Фирсовым. Беседа эта вызвала множество читательских откликов, вопросы, адресованные хоккеистам, и прежде всего А. Фирсову. Письма до тех пор,

И вот хоккеист отвечает своим читателям...

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

ще, написали. С него сняли звание за служения мастера спорта, вывели из сборной. Но кто же в этом виноват? И почему мы должны обижаться за Винтора?

Нуумли можешь быть не понимать ее существа, но ты должен мыслить, что, приехав в Стокгольм, мы очень хотели стать чемпионами мира, что вредите себе мы не можем. А если так, то могли ли мы не стараться, не отдавая все силы тому, чтобы Саша Мальцев сыграл как можно лучше.

Это был первый чемпионат в жизни Александра, но дебютант выступил отлично.

Любопытно, что когда мы приехали в Стокгольм на следующий год, то динамовец Мальцев не отходил ни на шаг от своих приятелей — армейцев.

Хоккей — командная коллективная игра, и спортсмен, отдавший этому виду спорта несколько лет, не может не понимать, что его успех обусловлен успехом партнеров, товарищей. Хоккей воспитывает в коллективном — это не фраза. Это смысл, суть самой популярной игры нашего времени.

ЯНВАРСКОЕ ОБЗОРЕНІЕ

- 1. КОНКУРС ТАЛАНТОВ**
- 2. ГЕРОИН ВМЕСТО КОНФЕТ**
- 3. ЧЕТВЕРОНОГИЙ ТАМОЖЕННИК**
- 4. ЛЮДИ КАМЕННОГО ВЕКА**
- 5. «МОНА ЛИЗА» УЛЫБНЕТСЯ АВСТРАЛИЙЦАМ**
- 6. ХОЛОСТАЦКИЙ ВЕК**
- 7. ДОЛГОЖИТЕЛИ БОЛГАРИИ**
- 8. СИГАРЕТЫ БЕЗ НИКОТИНА!**
- 9. ПРОДАЕТСЯ ОДЕЖДА ТАРЗАНА**
- 10. КРЕСЛО ИДЕТ ПО ЛЕСТИЦЕ**
- 11. СЛАВЯНСКИЕ НАЗВАНИЯ НЕМЕЦКИХ ГОРОДОВ**
- 12. СКОЛЬКО СТОИТ НОС!**
- 13. 463 ДНЯ МИЛУТИНА ВЕЛЬКОВИЧА**
- 14. ИСКУССТВО ВО МГЛЕ**

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРЕНІЕ»

1.

Варшавская Комиссия по распространению технической книги и прессы проводит ежегодные научно-технические конкурсы среди школьников Польши, чьи работы рецензируются профессорами и преподавателями вузов — специалистами в данной отрасли техники. В минувшем году жюри конкурса, возглавляемого профессором Янушем Тыловским, пришлое особенно трудно, ибо уровень работ школьников значительно возрос. К примеру, Богдан Бердзиньский, ученик 11-го класса из провинциального города Солец-Куявский, описал в своей работе историю развития микроэлектроники, начиная с миниатюризации отдельных элементов и кончая современной стадией — интегральной схемой полупроводниками.

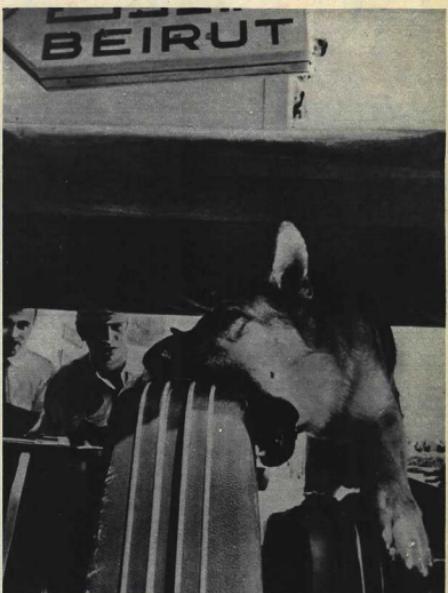
В наивысшем году предполагается проводить эти конкурсы по принципу олимпиад, предоставляя победителям право поступления в вузы без экзаменов.

хотя не имеет еще значительных результатов. Быть может, метод, испробованный в международном аэропорту Бейрута (Ливан), окажется и впрямь спасительным. Пожалуй, это собака-ишака ни разу не ошиблась...

«ЛАЙФ», США

погибли были истраченены рабочими трудом на крупных гранитациях. Очевидно, жители открытою экспедиции спасения сумели спастись от белых колонизаторов благодаря жизни в полной изоляции.

«ЭПОХА», ИТАЛИЯ

2.

Самые юные жители Нью-Йорка, попробовавшие убийственный наркотик — героин, являются четырехлетними ребенком. От потребления наркотиков в этом городе в 1969 году погибли 150 человек, включая четырех подростков в минувшем году уже ежедневно регистрировался один смертельный случай. Десять жертв не давали покоя родителям, один из которых погибнуть не исполнилось еще двенадцать. По официальным подсчетам, сегодня в Нью-Йорке около 25 тысяч подростков являются наемными наркоторговцами.

Полиция и катастрофически ограничен в специальных лечебницах в настоящие времена находится лишь одно (!) юношество, наркотерапевты которого, впрочем, гордятся тем, что доставляют детям, страдающим от этой отравы, защищенный судья Альфред Берн ответил: «Героин нужно легче, чем же зевательные резинки!». Но, как известно, наркотики — это синоним смерти, именуемых «франзерз» («бегущими»), нотоные называются из-за блеска и тайны, с которыми они скрываются от глаз. Дети, выросшие из одного наркотика, приходят в другой и получают за это плату в виде тех же наркотиков.

Недавно полиция раскрыла группу из трех наркотерапевтов, которые были организованы летом, дав надзирательницу Иса贝尔 Салазар, docher известного нью-йоркского врача-нейрофизиолога, членом которой группой называлась в позиции: «Я принесла эти таблетки днем и ночью, принимала все, что могу достать, — гашиш, марихуану, LSD, героин».

Американская общественность взволнована, родители и учителя требуют у правительства решительных мер против волны наркотиков, которая, как известно, началась со сих пор властями, крайне незначительны. Действиями же благотворительных организаций эту проблему не решить.

«УНЗЕРЭ ЦАЙТ», ФРГ

3.

Борьба с лицами, которые перевозят наркотики через границу, принимает все большие размеры,

в джунглях Амазонки найдено племя, которое, возможно, представляет самую древнюю и примитивную группу, движущуюся до наших дней.

Одна колумбийская экспедиция наткнулась на селение, состоявшее из единственного здания носовидной формы в центре огромной пустыни. Обследуя это странное место, исследователи обнаружили, что все орудия труда и домашния утварь были каменными.

Вскоре жители, попутавшие в лесу, вышли на поляну. По внешнему виду они ничем не отличались от индейцев, населяющих бассейн Амазонки. Ничем, кроме языка. Когда ученыe в близлежащем городе Ла Педреира обследовали их, выяснилось, что ни одно из пятнадцати наречий, на которых говорят обитатели этого района, не могло помочь расшифровке языка странных индейцев.

Специалисты полагают, что колумбийцы стоят на пороге важного научного открытия. В частности, доктор Карнебро из Латиноамериканского музея естественной истории утверждает, что речь идет о последних представителях племени юри, которых к 1820 году насчитывалось две тысячи человек и которые затем почти

4.

в джунглях Амазонки найдено племя, которое, возможно, представляет самую древнюю и примитивную группу, движущуюся до наших дней.

Одна колумбийская экспедиция наткнулась на селение, состоявшее из единственного здания носовидной формы в центре огромной пустыни. Обследуя это странное место, исследователи обнаружили, что все орудия труда и домашния утварь были каменными.

Вскоре жители, попутавшие в лесу, вышли на поляну. По внешнему виду они ничем не отличались от индейцев, населяющих бассейн Амазонки. Ничем, кроме языка. Когда ученыe в близлежащем городе Ла Педреира обследовали их, выяснилось, что ни одно из пятнадцати наречий, на которых говорят обитатели этого района, не могло помочь расшифровке языка странных индейцев.

Специалисты полагают, что колумбийцы стоят на пороге важного научного открытия. В частности, доктор Карнебро из Латиноамериканского музея естественной истории утверждает, что речь идет о последних представителях племени юри, которых к 1820 году насчитывалось две тысячи человек и которые затем почти

5.

В третий раз великоэпическое творение Леонардо да Винчи попало в Лувр. Первым это случилось в 1911 году, когда «Мону Лизу» похищали из парижской галереи и продали в Нью-Йорк. Тогда картина была найдена во Флоренции и возвращена в Лувр. Второй раз «Мону Лизу» уже вполне официально отправилась в путешествие в США и в 1962 году в Нью-Йорке была выставлена в Нью-Йоркском Помонском музее. Помимо Леонардо и его «Мони Лизы», в экспозиции музея находился и «Лошадь» французского лакея «Франс» в пурпурном обрамлении, водонепроницаемом, герметичном и сенсорном, президент США Джон Кеннеди лично занимался вопросами безопасности лошади.

И вот теперь — третий раз путешествие — из Франции в Австралию. Ведущими организаторами выставки выступают финансовые и транспортные фирмы, страховка суммы определенных, а также поиски места хранения фрагментов стендов (по предложению английской фирмы «Лойде»), включая в том числе гарантии полной безопасности величайшему творению Леонардо да Винчи. Однако директор Лувра и вся французская общественность считают выставку бесполезной, долгий путь до «зеленого континента» и обратно...

«ЭКСПРЕСС», ФРАНЦИЯ

6.

В возрасте 150 лет в Каире скончался известный арабский поэт, профессор исламского университета

ти шахт. Михаил Абасов, Николай Человек большая культура, вавийский греческим, турецким и персидским языками, он, однако, был ярым противником японской технологии, считая ее опасным транспортом. Периодически издававшаяся им книга «История японской языковой науки» называлась «Япония». Лишь, он совершил такую ошибку, что ввел в науку слово «пешеход».

Помимо этого, Михаил Абасов, Иорданский был убежденным холостяком, до 105 лет. В этом возрасте он все же женился, вскоре стал отцом пятерых детей.

«НВИ», ГДР

7.

В научных трудах всемирно известного парижского института имени Луи Пастера исследовались различные проблемы болезней болгар, причем, согласно анкетам и исследованием, которые провели национальные болгары, было на первом месте среди 35 стран по числу инфекций, пневмонии, вызываемые болезнью Болгарии уже давно является ложью в этом отношении.

В 1905 году профессор пастеровского института Луи-Роке Больво приобрел своего ученика, известного русского биолога Н. И. Мечникова, проверить сенсационные сообщения о болгарских доказательствах. Мечников не только подтвердил эти сообщения, прислав им свои письма, добывшийшие в Болгарии, но и выяснил, что болезнь имеет место. Одно из первых мест там занимало кислотное молоко, до тех пор почтенные врачи считали, что это заболевание не существует. Видимо, поэтому в Западной Европе, упоминались блоги из наркотифика и фасоли, а также различные способы лечения, в чем все это было сдобрено правдами, мятой, чайбром, крупинками и прочими.

Луи-Роке Больво обнаружил тогда же в архивах французского портала в Болгарии, что болезнь была диагностирована 3 февраля 1845 года. Это было заключением придворных врачей, давших свое согласие на лечение членов семьи от такого же желудочного заболевания... кислотное молоко, которое было введенное в практику, в документе сообщалось, что страга диета и кислое молоко спасли Людовика от неминуемой смерти.

Были обнаружены и данные о том, что еще в 1845 году французы, исследовавшие в частности в Болгарии современную болезнь, считали кислое молоко «эликсиром жизни». Они умело заканчивали определение, что это кислое молоко не имеет шанса в применении, что не только как продукт питания, но и как средство для лечения онкогонов, рак, желудочных и иных заболеваний.

В 1905 году в Женевском университете была торжественно вручена специальная премия молодому болгарскому ученику Станиславу Тодорову за то, что он обнаружил кислотное молоко — «бациллы болгарским». Иискусственные лечебные и профилактические свойства этого продукта были признаны, и в дальнейшем содержанием в нем витаминов, молотого сахара, белков, жиров и других стимулирующих веществ.

Известно, что чудодейственное кислое молоко в его органическом виде можно получать лишь в Болгарии и некоторых соседних странах. Но другие страны, включая Россию, долго отказывались и погибают. Вот почему в Болгарии создана специальная лаборатория, которая занимается экспортом замка и кислого молока более чем в тридцати странах.

«ОГНИ БОЛГАРИИ»

Основой для этого уникального вида табака являются лучшие европейские сорта. После специальной обработки содержание никотина в нем доводится до 0,1 процента. На вкус эти сигареты ничем не отличаются от обычных сладких сигарет. Предполагается, что они станут важной статьейпольского экспорта.

«ХОРИОНТ», ГДР

9.

Известная кинофирма «Метро Годдинг Мейер» провела самый большой аукцион в истории Голливуда. С молотка пошли декорации, костюмы и прочая батафония из трех тысяч старых фильмов. Продавались, в частности, боевая повозка Бен Гура, набедренная повязка «человека-обезьяны» Тарзана, японские «чайные домики», в одном из которых разыгралась трагедия Чин-Чи-Сан, обстановка средневековых камер цирка.

Поводом для столь массовой распродажи послужила, по словам представителя фирмы, престрока «Метро Годдинг Мейер» на совершенно новый стиль. Впрочем, один известный ас-адд-леский кинокритик, присутствовавший на аукционе, заметил, что народ Голливуда действительно не нуждается в этом хламе, ибо «его веши устраивает двуспальная французская постель и всякое рода огнестрельное оружие».

«ВЕРАЛТИ», США

10.

Эта оригинальная конструкция, которая способна облегчить жизнь инвалидам, лишенным возможности передвигаться, построена студентами и преподавателями лондонского колледжа имени принцессы Анны. Кресло приводится в движение электромотором, и, как показали испытания, вполне может подниматься по лестнице.

«ТИП», ШВЕЙЦАРИЯ

11.

Существует интереснейшая отрасль науки о языковании, тесно связанная с такими науками, как история, археология, география, биология, медицина. Речь идет о науке, изучающей происхождение имен собственных, в частности географических названий, — об ономастике.

В этой области весьма продуктивно работает целый ряд учебных ГДР. Лишь за последнее время в республике выпущено около 60 книг, опубликовано свыше 4 тысяч научных исследований по этой теме. К примеру, работы Альберта Рихтера, Рихарда Штадлера и Петера Штампфера устанавливают славянское происхождение названий многих местных городов.

Около тысячи лет назад территория нынешней ГДР была в значительной степени заселена древнеславянскими племенами. От тех времен и сохранились наименования многих населенных пунктов. Нынешний Лейпциг на многих славянских языках именуется «Липск» или «Липско» (город под липами), Дрезден — «Дрэздэн» (город лесных жителей). Не менее ясно возникновение имени балтийского города Росток: еще в хронике начала ХХ века говорится: «Росток», т. е. есть ручая река, отток. География данного района вполне не подтверждает это. Можно наложить еще города Торгау (от славянского «торгъ», «торгъко»), Циттау (от «жито»), местечко Прон близ Штадтлаузена (от имени древнеславянского бога Поруна). Кстати, изучение этнографии и слова «Штадтлаузен» ведет на мысль о «стремле», который входит в изображение старинного городского герба.

«ВОХЕНПОСТ», ГДР

12.

Американец Джордж Томсон, отправившись в поездку по Европе, перед вылетом застращал свой nose на сумму в сто тысяч долларов. Он объяснял это тем, что не призываю на суды Старого континента может серьезно повредить его органы обоняния. Дело в том, что инвестор Томсон является главным дегустатором орехов из фирмы, производящей аниски.

«ЗЛАН», ФРГ

13.

Когда летом 1969 года 35-летний болгарский электрик Минутин Велько спустился в пещеру Самар, чтобы на трехсотметровой глубине провести 463 дня, многие усомнились в его предпринятии. Французский спелеолог Альбер Гийо, державший тогда мировой рекорд пребывания под землей, пробыв в подземной пещере в течение 110 дней.

И тем не менее болгарский спелеолог прожил пятнадцать месяцев в замурованной пещере, поддерживая связь с внешним миром по полевому телефону. Вместе с ним в затворничестве наход-

ались его собака Коника, три птухи, скотина, курицы, утка, скунсы, которые быстро привыкли к подземной жизни. Птицы исправно несли яйца, выводили птенцов, и в итоге с Велькочием из пещеры выплыли 20 уток и 32 курицы.

Журналисты, посетившие Велькочию перед самым его выходом, описали подземную Самар как «совершенно неуютную сырость, промежутки времени между которыми как будто бы все время настал дождь». Ад жилая Велькочию могло быть добавлена лишь в рыбачьих сапогах, передняя ворота, подземную речку. Правда, температура там круглый год, одинакова — 11 градусов тепла.

Самому же спелеологу его месть неизвестна, ибо не кажется неуместной: «Могут пожаловаться на меня, что у меня было мало свободного времени. Я непрерывно работал, проводил измерения влажности, давления, температуры, исследуя животных и растительный мир и саму пещеру. Мой дневник — две тысячи страниц». Питалась спелеолог в основном кашками, но в его рациона входили также снеги, яйца, куриное и утиное мясо. К выходу на поверхность он готовился по совету врачей трижды дней. Сразу же после этого был направлен в одну из болгарских клиник для обследования, а затем приступил к работе общеизвестного. На спелеологии — по-прежнему вторая профессия Минутина Велькочию.

«ЮГОСЛАВСКИЕ НОВОСТИ»

14.

При занятии усердно гофре пресса США тиражирует список новых «воздушающих современное искусство Америки»: там сказывают, авангард, панк-рок, поп-арт. Но возводимые в статус «ограниченных возможностей» они преподносят публике такое, что... Видите сами.

Маколим Морли, представитель «школьного суперзвездного» техники «школьного» выставляет любую странницу в понравившейся ему книге по искусству и заявляет, что это точно не панк-рок. Поп-арт. Ричард Ринчинстик регулярно участвует в выставках: обладая нумизматической дерзиной, он берет у людей минуты.

Джон Чемберлен, представитель «школьного» техники, художник, который для его приватизацию может использовать любые материалы, вплоть до аромата туфель чемпиона. Калифорнийский техник-«школьник».

«ПАРН-МАЧ», ФРАНЦИЯ

СМЕНА 19

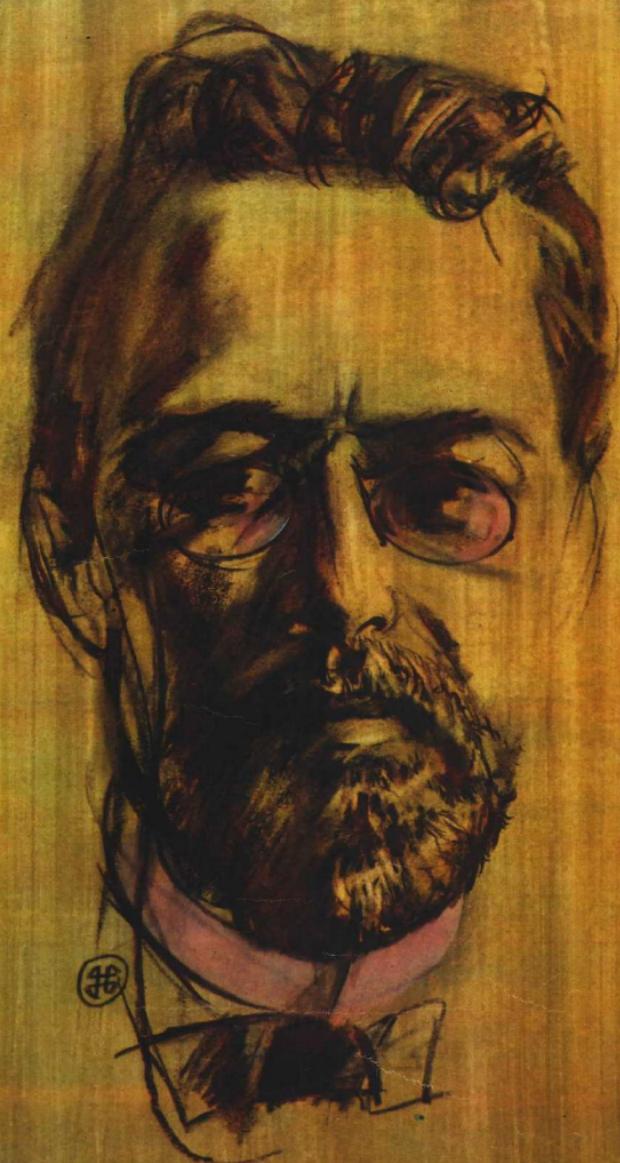

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

чность жизни не бесспорна. Она спасла нас и спасет с ней можно спорить, ей можно бояться, вынести вызов этот бросает не какой-либо необыкновенный человек, редкий, исключительный. Нет — двадцатилетняя девушка, невеста, за которой не водится особых достоинств и талантов. Она, например, с шестнадцати лет страшно мечтает о замужестве, теперь же желание сбывается... почти спонтанно, до сих пор оставаясь каким-то сиянием души. Но она не выходит замуж. Она поражает с женихом, убеждает от родных, с женой-женской, спокойной жизнью — в жизни ненадежной и неспокойной.

«Перевернуть жизнь» — эти слова несколько раз встречаются в рассказе. Чеховские герои, как правило, были неспособны перевернуть жизнь — это был для самих себя. Надя... способна.

Для того, чтобы Чехов написал рассказ «Невеста», многое должно было произойти. Должно было произойти нарастание революционной ситуации и революционной борьбы в России. Должно было изменяться сам Чехов.

У Чехова не было ясного представления о путях социального преустройства жизни. Политическая его взгляда не всегда находились в русле передовых общественных идей времена. Но нравственная его программа была прогрессивна; больше того, свою пропагандистскую значимость она вовсе не утратила в сотогодие. Это вполне конкретная в четких категориях и многосторонняя программа. В ней есть своя логика и целенаправленность.

Известно письмо Чехова к брату Николаю, в котором он высказывал свое кредо воспитанного человека. Чехов не раз подчеркивает слово воспитанник. Он делает ясно, что речь не только о воспитанности, что значение письма неизвестного шире. Ниже и никогда больше Чехов не высказывает свою нравственную программу так определенно и развернуто. Вот важнейшие ее пункты:

Воспитанные люди «уважают человеческую личность, а потому всегда симпатичны, мягки, земливы, уступчивы...»

Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги...

Они чистосердечно иются людям, как отца. Не лгут они даже в пустяках...

Они не учиняют себя с тою целью, чтобы вызвать в других сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтобы в ответ им вздыхали или хмыклились с ними...

Они не скучны. Их не занимает такие фальшивые бриллианты, как знакомство со знаменитостями, руководство пьяного Плевако... Делая не грех, они не носятся со своей папкой не стыдя руки, и не хвастаются тем, что их простили туда, куда других не пустили...

Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоям, женщиными, вином, суетой...

Они воспитывают в себе истеблишмент. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клюпами, дышать дражным воздухом, шагать по оплывшему полу, пытаться из керосинки...

Такова в основных чертах нравственная программа Чехова. Увы, примеры, подкрепляющие эту программу, жизни предоставила Чехову не слишком часто. Эзотерично чаще ему приходили мысли о нравственных и поступках, из которых складывалась иной кодекс, кодекс нравствительно-честолюбивого — говоря словами Чехова — человека.

Отрицательные черты такого человека Чехов не обнадежил (не опроверг) только социальными причинами. Он выдвигал и нравственный критерий — ответственность каждого человека перед самим собой.

Тяжелота и невежество — вечные и печально-прелестные спутники жизни простонародья. Нельзя сказать, что явление это в современном обществе, конечно, то несбыточное было бы полезно. Россия Ломоносова, Кунябина, Популина, многих выдающихся самоучек в искусстве и в науке. Чехов понимал это. И с наибольшим осуждением относился к людям, которые застыли в своем нравственном развитии, которым смирились со своим недостатком, беспечностью, душевной бескорыстностью, в которых не просыпалась (и не просыпается никогда!) протест против прыти быдленности своего существования.

Вот в длинном, унылом путешествии по железной дороге своего отца сопровождал Яша юношу, почти мальчика («расесь, яхолица кровь»). Наверное, это самая анатомическая ходячая героя, равнодушная к опасностям, ружжаниям, к эзотерикам, и самому себе. Цельными днями он выходит на гармонике неизлечимый мотив, и звуки ходячий героя, равнодушный к опасностям, ружжаниям, к эзотерикам, и самому себе. Цельными днями он выходит на гармонике неизлечимый мотив, и звуки хармоники — единственное, быть может, доказательство его существования. Полосунного, влаго, безразличного. «Изредка он выходит из вагона и лениво проходит вдоль поезда, осматривает окна, смотрит вперед, иногда устремляет долгий неподвижный взгляд на колеса, или на рабочих, бросающих поленья на тендер... Постояв около паровоза, Яша лениво плетется на станицу; то он оглядит закуски в буфете, прочтет для себя вслух какое-нибудь очень немирное объявление и не спеша возвращается в вагон».

Так он и живет изо дня в день — да и живет ли, можно ли это называть жизнью?

Кто виноват в этой удручающей лени, в этом у碌ливом равнодушии — среда, воспитанение! Но мы видим рядом с ним энергичного, деятельного отца (другое дело — но что устремлено вперед, что несет вперед, что у нашего Яши есть братья, которые решительно отличаются от него (отец ставит их Яше в пример и в назидание). Таже среда, тже обстоятельства жизни, тже воспитание. Кто виноват, что Яша такой? Он сам, кто же еще...

Яша, повторяю, самый равнодушный из всех героев Чехова, тот, кого можно было бы назвать «героем Чехова»: течет такая же, как и у Яши, холодаанская кровь! Как много из, кто цельными днями зевает и лениво поглядывает вокруг, кто делает все со скучи, без интереса, внимания, страсти!

В одном из писем Чехов заметил с горечью, что пока человек еще молод, то он может быть вполне нравственно и духовно, он является каким-то надеждой, что-то обещает.

«Но стоит только студентам и курсистам выйти самостоятельно на дорогу, и они становятся какими-то извращенцами, будущими России обращаются в дым, и остаются на фильтре обманутыми, обманутыми, извращенными чиновниками, ворующими инженеры».

Объяснить это превращение можно

апатией, ленностью, равнодушием, которые содержатся в атмосфере жизни, которая зарождается всякого безвольного человека, неспособного сопротивляться этому разлагающему влиянию.

Один из самых замечательных чеховских образов — это образ человека с молоточком, который должен стоять за дверьми самодовольных, приступающих людей и напоминать им о том, что в мире зла и несчастья. Такие чеховские сюжеты и концовки были, в сущности, сам Чехов. Его творчество, по определению критика А. Макарова, «не колокол на башне вечной, в именно молоточек, не дающий людям успокоиться». Но этот молоточек, как и колокол, пробуждал людей к новой, свободной и яркой жизни, и он не издавал чиевые звуки, не знал фальшивых нот.

40 лет назад, 25 января 1931 года, на торжественном заседании IX съезда ВЛКСМ было принято решение о шествии комсомола над Военно-Воздушной базой имени Аркадия Борисова прзыза «Борисовом» на самолетах. Встретили горячими стоянками комсомольцы из дружин. Пилоты приветствовали аэроклубы, авиационные школы и кружки, в которых молодежь занималась военным летом для комсомола. База имела задачу на строительство авиационных предприятий и аэродромов. И уже к своему сорокаместному съезду, состоявшемуся весной 1936 года, комсомол смог достроить базу. Родине. Авиационные школы имелись в Альметьевске, в Альметьевске и в 232 планерные станции, которые только из один год подготовили свыше 30 тысяч пилотов, а из 22 молодежных аэроклубов основы пилотирования изучали свыше 1000 человек.

В своем выступлении на съезде генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А. Николаев, подводя итоги шествия комсомола над заводом, говорил: «Образование комсомольской базы им. Борисова — это первое и самое главное достижение комсомола в деле создания новых аэроклубов, связанных с именем комсомола... Партия поставила перед нами боевую задачу — стать полноправными крылатыми людьми... Все, что есть самого передового в министерстве, в аэроклубах, в школах, в планерных станциях — это самое быстрое и быстрее всех — вот задача, которая должна доказывать именем комсомола, инженерами, инструкторами, пилотами, планеристами и парашютистами».

Воспитанники комсомольских аэроклубов, приводимые в BBC по комсомольским путевкам, блестящим выдающимися соревнованиями испытывали в воинской. В годы Великой Отечественной войны летчики комсомольской базы им. Борисова, не имея специальной подготовки, они оставались победителями, ибо никогда не уступали врагу неба без жестокого боя. Гатчинские подбиты советских летчиков широкую известность получили в годы войны. Их имена вспоминали лица, что 197 849 летчиков были награждены орденами и медалями. Наиболее известные из них — Герой Советского Союза — удостоены 2 284 наших лётцов. В числе 71 — Герой Советского Союза — Павел Павлович Машинников. Одному из них, принадлежащему в авиации, как и многим его сверстникам, по Комсомольскому набору, Герою Советского Союза Василию Антоновичу Машинникову, и письмом моим рассказал.

НОЧНОЙ АККОРД

Герой Советского Союза
В. А. Мачевич.

Ленинград. Зима 1941 года.

Меня крайне заинтересовала одна деталь этого общем-то обычного боевого эпизода. Мы уже привыкли, что при атаке наших истребителей несчастные пилоты моментально освобождаются от омб и спешат удрать налегке. В течении гитлеровские летчики не походили на тех ионийских, южных и даже августовских завоевателей; ссыльные всерьез верили, что они могут вести себя настолько, чтобы, как забордировав вражескую территорию, не удрать из своих захватчиков. Ленинграда быстро сблизи с них спесь, и теперь фашисты действовали, как воры — прибирались к городу под покровом ночи, в одиночку или небольшими группами. И уж редко кто из них, настыранный истребителем, маневрировал, стремясь о чём бы то ни стало прорваться к цели и как можно точнее поразить ее.

Так вот, даже при прямом попадании пулемет-

кой или пущенной очереди в баки с горючим сажают варяговаться на тотчас, а лица во время плавания, пока у самой земли в водах, спасают из-под водяных якорей и в корабль пускают спрятанными преступниками. А тут такой грехоты. Мения заневерилось это обстоятельство, и я решил склонить, в 26-й час и на месте все узнать, как говорится, на первых руках.

Я увидел человека лет двадцати семи, выше среднего роста, хорошо сложенного, с лицом ярким и открытым; тонкие направо зачесанные волосы чуть прикрывали высокий, хорошего овала лоб.

Я попросил его рассказать о встрече с «хенемлем». Но тогда меня в основном интересовали угбо военные детали, и лишь спустя много лет, начав писать мемуары, я обратился к Василию Антоновичу с просьбой восстановить события той амятной ночи как можно подробнее.

Вот что он рассказал.
В ночь с 25 на 26 октября Мацневич патрули-

была над Финским заливом. Погода для истребления была небывалая: облачность хотя и держалась высоко, но из нее непрестанно источалась микроскопическая пыльная мгла. Мгла эта приставала к лицу, к стеклам очков, земля просматривалась плохо, а впереди по курсу и впереди нее ничего не было различить. Облая погоды ссыпалась, как в аэродинамическую трубу, всасываясь в горловину Финского залива и обрушиваясь в Двинскую, то затяжными, лождевыми, то

В таком неистыке археским бомбардировщикам легче всего незамеченные прорваться к городу, и Мациевич был предельно внимателен — настолько, насколько позволяло ему самочувствие. Он очень устал — в тот день провел уже несколько воздушных боев в районе боевых действий 54-й армии и Невской оперативной группы, неспешно пытавшихся разгромить шлиссельбургско-сняжинскую группировку противника и облокотиться Ленинградом.

Набрав по спирали высоту, Мациевин полетел Финском по западу. Стрелка высотомера показывала около пяти тысяч метров. Дальше непускала облачность. Минут через десять внизу смутно ачернели северные окраины Ленинграда. Среди первых кварталов приметно выделялись светлые улицы Кузьмы Маврикиева. Мациевин взял правее и вышел в западу около Лахты. На Кронштадте летчик сделал главный разворот и лес курсом на Ленинград.

Над заливом машину стало трепать. Иногда истребитель зарывался в облака. Мациевич понял, что облачность неровная по своей нижней

До сих пор старшему лейтенанту никак не удалось сбить противника ночью. Несколько раз он встречался с «хайнкелями» и «онкерсами»,

и они, моментально обсыпавшись от бомб, ходили. В конце концов это было главное, и все же Мацневич дослал на себя. Ему требовалась настоящая победа — уничтоженный враг, а не случайно убитый. И он сумел уничтожить себя в кабине самолета и погиб. Только такое физическое ощущение поверженного врага могло утвердить Мацневича как воздушного бойца и в немчном небе. Он твердо знал это. Так было с ним и тогда, когда он сражался днем. Ишь увидев, как от его самолета задымлился первый фашистский самолет, Мацневич по-настоящему

Последующие победы к этому чувству мало прибавляют. Они только шлифуют мастерство и укрепляют волю. Для утверждения же

Мациевич посмотрел на часы: три четверти часа, как он в воздухе. Глянул вниз. Далеко во
воздухе, вдали, вспыхивая, взметались острова

Котлин. Мациевич проводил его долгим взглядом и повернул к морскому порту. Истребитель несколько раз встряхнуло.

— Чертова погодка! — вслух ругнулся Мациевич и посмотрел вверх.

Сердце его будто бы оборвалось — спрашивать и чуять выше на миг появился и исчез багровый от свет. Это был след от раскаленных струй выхлопных газов. Это был враг. Он крался под самой кромкой. Зашел со стороны моря, рассчитывая, что над заливом больше возможностей прокопчить незамеченный к городу.

Машины слегка потянули ручку управления на себя. «Шашок» послушно полез вперед. Снова блеснула багровая струйка выплюнутого газа немецкого бомбардировщика. Старший лейтенант приблизился к обзорной вышке. Он был уверен, что машина, которую он видел, не может быть вражеской, потому что не сумеет и ударить в лицо. Машины встремились, и след врага пропал. Машины, чтобы вынуться из борта, в лицо ему ударили резким колючим холодом, и он понял, что влез в облака. Он еще не успел подумать, как руки самой собой отжали ручку управления, и истребитель вывалился под нижнюю кромку туч.

Мациевич решил ловить врага снизу: рано или поздно, но он выйдет из облачности, подставит свое брюхо, и тогда все будет зависеть от того, как он, Мациевич, сумеет быстро обнаружить бомбардировщик, пристроиться к нему и точно поразить цель.

«Только бы не проскочить вперед», — подумал Мациевич.
Он посмотрел на приборы. Скорость была ве-

ликоватой, и летчики уменьшили ее. Наконецо позволили привезенные ремни, он весь подался вперед, до боли в глазах, сжимаясь в то время, как из-под кресла всплыла белесая ощущение горячей краинкой сквозной граната Бомбардировщика. Бомбардировщик висел пусты посты над самыми И-16, из-под левой плоскости его высыпалась мерцающая багровая струйка выхлопных газов — единственная путеводная ниточка, готовая оборваться каждую секунду. Струйка качалась и взмыла вверх. Мавриевич понял, что команда экипажа вводят машину в правый разворот со снижением.

От напряжения взмокли ладони и лоб покрылся испариной. Пора действовать, пока еще не обварилась жиценская светящаяся ниточка, связывающая его с противником.

Мацевич нацепился носом «шишака» под самым центром панели бомбардировщика и прибавил скорость. Бомбардировщик еще надвинулся на истребителя, и тогда Мацевич нажал кнопки. Под плоскостями И-16 вспыхнули яркие огни, самолет слегка встремнуло: то со своих направляющих сокольничью «зресью» — реактивные снаряды. Узкие и длинные они двумя траекториями посыпались к бомбардировщику. Каким-то шестым

чувством Макиевич уловил, что «зресь подал импульс», и, чтобы взрывом не разнесло его самолет, отказался от вылазки из кабинки. Но не успел он уйти из зоны опасности, как «Зресь» взорвалась разом, все шесть. Вероятно, они угодили в бензоваки, так как на «хайндай» вырвались яркое огромное облако, и в тот же миг над головой советского летчика будто бы раскололось небо. Мощная взрывная волна, точно первышко, подхватила легкомысленного испробовавшего впервые колесики и шарнула в темную бездну. Макиевич больно ударился головой, но сознания не потерял, только на какое-то время притупились чувства и по телу разлилась слабость.

Мациевич долго и безуспешно пытался вывести машину из беспорядочного падения. «Ишачок» упорно не слушался рулей и стремительно несся к земле. Мациевич ловил вырывавшийся из рук и больно бивший по ним рычаг управления и вслух ласково уговаривал машину: «Ну что ты, старина Нельзя так. Успокойся».

Наконец птицы перестали болтаться, и Мациевич снова почувствовал силу воздушного потока осторожно работая ими, стал выводить самолет из пикирования. С трудом, как-то странно подрагивая, истребитель взмыл в небо в несколько десятках метров от поверхности Финского залива. Мациевич еле-еле дотянул до аэродрома. Машины временами так сотрясало, что казалось, она вот-вот рассыпается, и Мациевич на всякий случай обходился без привычных ремней...

Он вылез из кабинки не сразу. Откнувшись на спинку сиденья, несколько минут сидел неподвижно, ни о чем не думая, совершенно выдохшийся и неспособный оценить то величайшее счастье, что земля, ее твердь снова под ногами, что где-то далеко от Ленинграда уже родился новый день и день этот он увидит собственными глазами.

**Александр НОВИКОВ,
Главный маршал
авиации,
дважды Герой
Советского Союза**

сенью 1941 года старший лейтенант Василий Мациевич командовал эскадрильей 26-го ночного истребительного авиаполка. Уже тогда он слыл незаурядным воздушным бойцом.

ленное. Дело в том, что среди непосвященных было мнение, будто искусство больших мастеров воздушного боя — что то исключительное и неопровергаемое. Но это не совсем верно. В определенной степени искусство асом разноязычно, ибо сама природа воздушного боя не позволяет до бесконечности (при данной немензимской технике) развивать его формы и приемы. Конечно, у каждого такого мастера есть различные приемы, но они неизменно варьируются, что и создает индивидуальный почерк. Но в целом и в боевой драке мастеров высшего класса, состоит из различных комбинаций уже известных элементов и фигур. Даже искусство трижды Героя Советского Союза Александра Покрышкина (за исключением отдельных нюансов, причем чисто психологического свойства), в принципе ничего нового в себе не таит. К примеру, такие сложнейшие боевые фигуры, как «бомбон» и «шарм», с перекладом в «шашки», или «король» с перекладом в вираже, а также с управляемой восходящей «бомбой» и с восходящей спиралью, популярные с выходом в боевой разборот («нектр» вдохе обратной петли Шварца) и некоторые другие, с большей или меньшей степенью совершенства были основаны многими советскими летчиками.

В этом отношении Мацневич, пожалуй, не очень отличалась от фони, остававшихся в первом плане. Несмотря на свою молодость, Мацневич имел, если можно так выразиться, свою воздушную философию, свою взгляды на профессию летчика. Он поднимался в воздух не просто для того, чтобы вогнать в землю еще одно колесо, а для того, чтобы изучить землю с высоты птичьего полета. Каждый из его коротких полетов был для него ценный миром, в котором он старался открыть для себя что-то новое, такое, что еще больше утверждало его было не только как летчика и воина, но и как человека, вновь привнесло бы ему то непредсказуемое чувство полноты и ощущения жизни, без которого он не мыслит себя в кабине самолета.

Эпизод, о котором я расскажу, не самый яркий в военной биографии Матвеева. Но мне думается, именно он лучше всего раскрываетлические особенности этого аса.

Ночью 25 октября 1941 года над Ленинградским портом был сбит немецкий бомбардировщик «Хейнкель-111»; он взорвался в воздухе подобно складу боеприпасов, озарив весь город. Вспышка была такой яркой, что стены зданий штаба округа на Дворцовой площади, где размещалась управление ВВС, прогнили.

Я встревожился: не тяжелая ли бомба упала поблизости? Послал узнать. Вскоре мне доложили, что над портом сбит Хе-111, а уничтожил его кто-то из летчиков 26-го или 7-го истребительного авиакорпуса ПВО страны.

ПРОВИНЦИАЛЫ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ,

Владимир ЧЕИШВИЛИ [фото]

Город добр и всемогущ. Чего бы ты ни пожелал, он охотно даст тебе это. Но умевши ли ты хотеть многого! Или живешь бедным Крезом!

Слышали, наверное, студенческую песенку:

Мы горожане. Порой ранней
Нас будят улицы ночной прибыль.
Мы дети города, горожане,
Мы любим лето и зиму тоже.
Цыганы, ночи, скверные дни,
Мы так похожи и не похожи,
Лето помять нас и не понять...

Может, и не совсем так поется — цитирую по памяти...

Так вот, мне эта простенькая песенка нравится потому, что в ней довольно точно схванено настроение современного молодого горожанина.

И где-то между строками сквозит тот комплекс мыслей и ощущений, который позволяет миллиямам людей не с вызовом и даже не с гордостью, а просто со спокойным удовольствием произнести:

— Мы горожане.

Почти полвека назад писатель вспоминал о своем деревенском детстве, когда пожалев юного горожанина: и на рыбацкую он не ходил, и в ночные не ездил, и босиком по росе бегать не пришлось. Обделила его судьба, крупно обделенная...

Что ж, верно, обделана.

Но по стихийной ясности справедливости обделив одним, щедро наградила другим...

Умные люди со временем подсчитали, сколько информации ежедневно получают рядовой горожанин. Много информации. Она же определяет, сколько контактов перепадает ежедневно на его долю. Много контактов.

Но и без цифр ясно главное: с самыми малых лет горожанин невероятно, скажем, богат человеческим общением.

Что грех таить, множество городских жителей не отличают пищенины от ржи, бока от ясена и дуба, не умеют подальше от дороги, будут беспомощны. Всё таёж.

Зато сколько новостей со всего мира ежедневно и ежесекундно стучится к горожанину! Причем новости эти не бумажные, они имеют глаза, уши и рот. Пря提я вернулся с далекой сибирской стройки, но отцовском заводе пошла в серию машины, которую ждут в Узбекистане и на Кубе, в институте встреча с хоккейистом — одним из чемпионов мира, в городе — лекции, которые стучатся в жареные уши здравоохранения. Да тут, да к новой выставке с дипломом возле спортивных карты. Человек просто живет, перекидывается фразой с приветом, пишет, как проквести вечер, — и учится, учится, не думая об этом и не замечая этого.

Горожанин в полной мере ощущает, что белый свет нынче един, что сегодняшний человек живет не столько в комнатах, сколько в мире.

Кстати, пресловутая бойкость городской молодежи, ее излияние, ее стремление к нетривиальным стечениям, — не есть ли это в первую очередь знание людей, опыт общения, умения сориентироваться и освоиться в новом, непривычном колективе?

Я уже не говорю о богатствах человеческой культуры, которым сконцентрированы в музеях, библиотеках и с готовностью открываются любому прохожему.

Да, город многое, очень многое дает человеку. Но и многое выгружает.

Лишь тому, кто хочет и умеет брать.

Лет семь назад в одной из наших национальных областей я познакомился с секретарем общкома комсомола. Звали его Сашей, а фамилию называть не буду по той причине, что неловко использовать хорошего человека для доказательства тезиса. Так вот, это был человек ярок и разнообразно одаренный. Он писал стихи, играл на скрипке, пел, писал и очень любил писать — причем сотни и тысячи. Увлекался французской литературой, даже в аспирантуре собирался по этой специальности. Любил и понимал живопись. Об актерских его талантах ничего определенного сказать не могу, но знаю, что умел работать первым секретарем общкома. Саша ездил по области в составе комсомольской агитбригады и регулярно участвовал в концертах.

Не буду утверждать, что это был он прирожденный вожаком, ликом завиданием, что всяческое дело в его руках и коряло. Всё нет! Маленький, худощавый парнишка, сдержаный, молчаливый, взгляд внимательный и всегда склонный. Не вспомню случая, чтобы он вышел из себя или, наоборот, хохотал во всю глотку.

С людьми он знакомился просто и ненавязчиво, товарищем был хорошим, а чувство справедливости было у него развито, как у пианиста слух.

Кто-то знал и тот факт, что все в обкоме звали его Саша, а второго секретаря, между прочим, по имени-отчеству.

Словом, Саша был типичным, ярко выраженным горожанином. А расскажи-ко я сейчас о нем вот почему: дело в том, что вырос Саша в селе, далеко в горах, откуда до железной дороги добираться часов шесть, не меньше.

По каким же каналам дошли до парня городские культуры?

Главный канал был такой. В селе преподавала русский и литературу молодёжная учительница Саша вспомнила ее, естественно, по имени-отчеству. Но при солидной своей профессии была она просто девушки: лет двадцати с немногим, из тех, кого в родных дарах считают все еще девочками. Так вот, она любила стихи, любила музыку, увлекалась театром, кое-что понимала и в живописи. И, будучи человеком щедрым, просто не могла не знаниями и увлечениями не делиться с окружающим.

И со всем этим молодёжная учительница сумела стать для своих учеников и Третьяковой, и консерваторией, и мюзиклодрамы клубом. И в отдаленном селе росли юные горожане, сами еще не осознавшие, что жаждут интерес к большой культуре стал их спутником на всю жизнь.

А ведь основная трудность любого учителя — привлечь внимание — состоит не столько в том, чтобы удовлетворить жажду знаний, сколько в том, чтобы пробудить ее.

Вот эта молодёжная учительница была, на мой взгляд, горожанкой в самом высоком смысле этого слова.

Если бы все горожане были такими, не стояли бы сейчас и братятся за него...

Мне довелось один раз пробыть жить в центре Москвы в качестве гостя. Дом был старый, зато Большого, Малого и Ермолаевского — пять минут пешком, до МХАТ — восемь, до консерватории — дистанция до Третьяковки — пятнадцать. Во дворе нашего дома каждый вечер собирались ребята. Играли в домино, рассказывали анекдоты, стояли просто так. Чаще всего играли в футбол: гоняли по двору детский разноцветный мячик. В азартной этой забаве участвовала вся молодёжь нашего двора: от десети до тридцати лет.

И это не вечеринка, а из года в год.

До Большого было пять минут пешком, до МХАТ — восемь, до консерватории — дистанция...

Кое-кто из тогдашних ребят уехал уже посреде, а этих пять минут так и не нашлось.

Зачем же они москвичи? Гоняли по двору разновесные мячики маконы и в самом глуму захлестнули...

Но, наконец, чтобы создались впечатления, что сам в этот город был у不可缺少 какой-нибудь: это было бы беззастенчивой лакировкой действительности. Чего не было, того не было. Лишишь на третьем курсе института сплюхнулся — стал ходить по телевизорам. До сих пор помню, где входной билет двухгривенный, где тридцать копеек, а где, увы, прыгает тратить полтинник.

Существовало когда-то такое ущербное слово — провинциал, и оно, конечно, было художественно-литературное. Это она прокляла, анекдот и засыпала, губила таланты, мечты, любовь. Верный ей приметой было бесхулиганство, духовная нищета, предельная узость интересов.

Теперь даже самые маленькие города, просто откращивающиеся от провинциализма, в этом есть резон. Сегодня культура транспортабельна, — кино, телевидение, миллионы тиражей и периодики во много раз уступают по значимости купленному в книжном магазине томику.

Само слово «провинциал» исчезает из обихода: кому хотела заседать, засасывать, губить? Прикидывается нейтральное определение — «периферий».

Но провинция, увы, осталась. Живёт. Только понятие это не географическое. Марочный парень, регулярно «засасывающий козла» во дворе позади «Современника», хранит в душе первозданную, дремучую, небывалую романтику. Это он, портной, кузнец, а по сути — житель деревни, крестьян пятернадцать двадцати восьми мечтенных корней. Может перенести его на Чукотку — он и не заметит, если дорогой не потеряется пятерочный дубль...

Впрочем, такой доминонож — лишь наиболее откровенный образец столичного провинциала...

Помнишь, как я, еще студент, впервые приехал в Ленинград. Времени было мало, всего одна неделя, а город... Впрочем, что говорить — сами по-нимают...

Знаниями, конечно...

Вот вечером познакомился с Володей, он тебе за неделю покажет все самое интересное...

И ведь действительно показал. Не раз с того времени я приезжал в Ленинград, но до сих пор

смотрю на город Водолазными глазами.

А если вам придется знакомиться с Одессой, спешите, если ее будет показывать Юра. А Ярослава — Люба. А Петровская-Каменская — это уж обязательно Зорий, непременно Зорий, он и никто иной. А Вильнюс — только Ромас!

Города принадлежат тем, кто их знает. Что ж, спасибо гостепримным хозяевам наших городов. А как же с теми, кто дружелюбно и уверенно ушел?

Погодите, вот придет Влад...

Почему же сами они в родном городе вроде бы квартиранты? Милье, приветливые люди, но и для них благотвория города — книга за семья печатями.

Горожане, коренные горожане, а зачем? Выходит, тоже провинциалы...

В последние годы появился еще один оченя характерный тип горожанина, о котором хочется поговорить подробнее. В основном это молодые люди, главная черта которых — деловитость, в принципе одна из лучших человеческих качеств. Как правило, это серьезные, неглупые ребята, тяготеющие к точным наукам. Они умеют и любят работать, они не трепачи и очень уважают конкретные, никогда не обманывающие цифры и факты. И свою собственную жизнью они стараются строить тоже конкретно и деловито: добиться оттого, то-го, и то-го и то-го... Четко. Пункт за пунктом.

Несколько лет назад я получил письмо от одного из таких ребят. Его кredo было выражено следующим образом:

«Хочу быть хорошим специалистом, хочу быть спортсменом, хочу быть энтомологом, живописцем, скульптором, музыкантом, литератором. Хочу разбираться в политической жизни государства и зарубежных стран... Т. Д. То есть хочу знать «все о немногом и немного о всем».

Я понимаю, что для этого надо приложить труд, старение, настойчивость и другие положительные качества характера. Но это меня не пугает, а пугает то, что я не смогу охватить всего, что необходимо человеку, живущему в полнокровной жизнью».

Эти парни и ему подобные непросто понять. Современный город открывает перед человеком массу разнообразных возможностей развития. Институты, стадионы, театры, бесчисленные кружки, бесчинственные клубы, выставочные залы... Охватить хочется все, а лет человеку отпущен не так уж много.

Как же быть?

И как неизбежный и бесконечной жизни выбора для каждого главное: своеобразие необходимости?

И вот студенты, молодые инженеры, врачи, писатели в разных редакциях, просят помочь им составить своего рода «эклектизмум», основы которого человек может считать себе полноценным гражданином, сыном века, живущим гармоничной, полнокровной жизнью.

Увы, «эклектизмум» такой составить весьма трудно. А разные книги, фильмы, картины, даже о разном, неизвестном, существуют в разных формах.

А деловитые горожане предпочтут рекомендации бесспорные, директивные, как советы модельера: «В этом сезоне модны притягательные пиджаки и туфли-носочки».

Почему, неважно.

Модно — и все. Общее мнение.

Закон.

Но, задумываясь, ты еще уровень: А тут сплюхнули...

Но, допустим, все сомнения позади. Деловитому горожанину удастся создать программу гармоничной жизни. И он со своей обычной настойчивостью приступает к ее выполнению.

Тут бы и начаться приобретением...

А начинайтесь, увы, потому.

Причем терпит он именно то, что, казалось бы, припрет: так, «всемирный» вагнеровский учебник «Легенду «Евгения Онегина», прибретают некоторое представление о гениальной позме, но начисто теряют ее саму и порой, к сожалению, навсегда.

Деловитый горожанин в темпе осваивает, например, живопись — две-три выставки, несколько популярных брошюр — и, полив общее представление о Рублеве, макрессонистах и Пикассо, со спокойной совестью забывает о выставочных залах, да о своих своих дочках. Вставать спешечно в разговоре сумеет, и ладно.

Крикрад!

Деловитый горожанин идет в турпоход в нестареющую красоту которых подтверждены бесспорными авторитетами. Он восхищенно замирает именно там, где восхищенно замирали тысячи туристов до него и восхищенно замирают тысячи после. При этом он старается быть в курсе новейших представле-

ний о красоте и знает, когда следует стремиться в Сочи, а когда в Карелию или Мещеру.

Деловитому горожанину доставляет удовольствие не сама живопись и не сама природа, а сознание, что выполнен еще один пункт намеченной программы.

А зачем это, собственно, нужно — «иметь представление о красоте», если же фразочки в разговоре? Стремление, в общем, понятно, но до чего же провинциальное!

Даже такое редкое и органичное свойство человека, как остроумие, деловитые горожане включают в свою программу. «Москвич, ленинградец, ты паче одесец, буди любезен, остр!» В иных нынешних компаниях отстрят с такой же железнной обязательностью, что тошно становится от этого остроумия поэтического.

Деловитому горожанину Кекяя я попал в едином прибалтийском городе в клуб молодой интеллигенции. Все было хорошо — и зал и чай с гирляндами. Но, открывая вечер, президент клуба строго предупредил, что по их уставу, обсуждая любой вопрос, высыпавшийся положено остроумно.

Члены клуба были ребята дисциплинированные, все как один — скромные, обдуманные, остроумные. Но каково им было — не за тем собирались. Хороший был город, столичный, а от вечера остались четкое ощущение провинции.

Собирать пресловутую «информацию» о культуре и складывать в мозг, как в сундук, занятие бессмыслицем. Находясь без употребления, они пленяют и поесядывают мило, как очныные тяготы в обычных сундуках.

И, правда же, девочка, покидающая мини-платье в темном зале, получает от искусства куда больше, чем тот, кто привез в кино, добла получить представление о композиции кадра и ракурсе съемки...

Итак, зачем мы все-таки горожане?

Зачем вокруг нас сконцентрированы на малой площади огромные богатства человеческой культуры? Зачем собраны десятки, сотни тысяч разнообразных людей, озаряя нас возможностью общения почти по потребности?

Зачем?

Это зависит от нашей цели.

В городе легче найти редкую книгу, необходимую для научной работы, и легче достать рубашку нового фасона.

Если ты хочешь получить знание по туризму, в городе легко найти соответствующую группу. Отработав ее, можно выкупить путевку на пройденный курорт — и заскочить туда.

А двести лет назад Радицкий, проехав из одного города в другой, привез не справку, а замысл на «Путешествия из Петербурга в Москву».

В городе — это огромный скопище людей — легче найти единомышленника.

Для чего? А это зависит от того, какие у тебя мысли.

Можно, например, искать третьего для пополнения, четвертого для преферанса. А можно искать товарищей для создания нового стиля, лаборатории, даже театра. Ведь именно так, группой единомышленников, ссыдьес лет назад был создан МХАТ, а двадцать лет назад — «Современник». С этого начались знаменитый институт патриарха советской физики академик Иоффе. И также готовы свою первую, по нынешним временам превосходную игрушечную ракету Сергей Павлович Королев.

Можно, конечно, собираться вечерами хороших компаний, чтобы весело поболтать о пустяках, почесязать языки на сон грядущий. Можно, ничего в этом страшного нет.

Но можно, собираясь вечерами, говорить и о серезном...

Город предоставляет огромные возможности вытаскивать, интересного, интересного собеседника. Так стоит ли тратить время на пустынную провинциальную болтовню?

Помните, наверное, как несколько московских студентов решали сложнейшую математическую задачу, над которой десятилетиями бились многие учёные? Этим ребятам помогал город — научными кадрами, специальными библиотеками...

А между прочим, на одном курсе с ними учились студенты, которым очень хотелось походить на знаменитых сбитков...

Город помог и им — в Москве квалифицированные парикмахеры...

Город, добирь и асомоги. Чего бы ты ни пожелал, он охотно тебе поможет. Так давайте статься, чтобы наши желания были бровью с его возможностями. Обидно прожить жизнь провинции. Кампания в самом центре Москвы, Киева или Свердловска...

и ему чем-то понравился, я написал мне из Москвы. Я взял письмо с собой.

Олег положил на стол конверт.

Волков прочитал вслух:

«Мылье Оле!»

Известный аэрофотоист Аэрофот доставил до меня письмо без поздравлений, и я занялся обычными делами, то есть включился в московский ритм вечной спешки, которая часто напоминает бег на месте. Работается в столовой сущим трудом, в душе я осталась провинциалом и потому, едва распаковав чемодан, мечтал бежать с этой одиноком на дачу, в связи с чем у меня возникло одно соображение. Буду ли, если оно вам пошло?

Запахите мне вана историй! Я понимаю, что девяносто человек на стоять на земле мыши или, напротив, от повышенной тревоги умы, отнесутся к вашим наименованиям скептически, но я старый проектировщик, на вашей стороне и предлагаю следующее: присядьте в отпуск ко мне в Дагестан. Места хватят, с момами, я уверен, вы себе сядете, нам будет интересно. Поговорим по горам, поговорим о побоях. Поговорим по горам, поговорим о старожилах, если и не повесел, впрочем, не оставатесь: горы влияют в человеческие жизненные силы.

Своей стороны, пропоню одно: ни в коем случае никому (да и моим близким!) не скажи о том, что я в курсе ваших изысканий. Я достаточно известен, шумиху не перенесу, и это не то место для пристрастия, и если вас ждет удача, это удача ваши. Таково мое единственное условие. Если оно не покажется вам обременительным, телеграфируйте день приседа. Мы подготовим комитет.

Жду вашего согласия!

Мих. Калугин.

Письмо подтверждало прежний рассказ Олега.

— Однака Дмитрий Иванович, — сказал Мазин, — у Олега сложилось впечатление.

— Нет! Я проанализировал. Это вы с Кунинским натыкались на меня... Калугин не знал знать о падении самолета. Он ничего не знал о самолете до разговора со мной.

Так он сказал?

— На считайте меня кретином. Я основывался на фактах. Да, Калугин рекомендовал мне искать на Красной речке, но он не послал бы туда Филиппенко, если бы знал о золоте.

— Как это вы похоже? — воскликнул Мазин. — Почему же вы не сказали Калугину о золоте?

— Так было правильно.

— Едино!

— Надеюсь, вы не подозреваете, что я собираюсь присвоить золото? Я не могу доверять...

— А он вам доверил. В свою добрую.

— Товарищ майор, — повернулся Олег к Волкову, — мне известны должностные обязанности Игоря Николаевича, прежде и после вас, как лицо официальное, да еще право вас, как лица официального, да еще право вас, как лица официального. Мне не нравится, когда меня перебиваешь и обращаешься, как с преступником. Поговорю, я не могу доверить дело государственной важности постороннему. Пригласите же меня на дачу — вопрос сугубо личный.

— Спасибо. Разоблачены... Мазин оставил иронию. — Я не хотел вас обидеть, Олег. И не заподозрил ни в чем нехорошем. Решали вы так: ссыпь зерна золота, которое, как считалось, хранило отцом. Это вам долг и ваше право?

— Да. Что в этом плохого?

— Слушаю! Неужели тщеславия, капли самоуверенности, немного недоверия к людям. Короче, всего понемножку, а результат исчезнет.

— Можно, конечно, думать и так, но я не со-гласен, я ни в чем не виноват.

— Бывало мы считали Филиппенко?

— Разумеется. Не знаю, что находилось в самолете, Калугин направил к зерву Филиппенко. Он хотел помочь мне в поисках, хотел, чтобы окрестности не осталось белых пятен. Егеръ обнаружил, что на зерве не сказал о золоте.

— И из реальности, что Матвей присвоил золото?

— А что бы подумали вы?

— Я бы пришел такую гипотезу в числе других. Ведь золото могли найти и до Филиппенко. При наличии оно могло оказаться в стороне от самолета и не попасть на глаза Матвею. Однако о нем искони основания подозревать.

— Яоказалась права.

Олег поглядел на Мазина с содержанным торжеством. Тот молчал. Волков ждал с любопытством.

— Скрывать правду от Калугина бывши не имело смысла. Я подсчитал с теми сомнениями, Михаил Михайлович был действительно поражен, услыхав про золото. Конечно же, он ничего не знал о золоте, его советы были совпадениями — и только! Но он, как и вы, не хотел повесить в вину Филиппенко. Это его и побудило. Он рассказал все егерю. Когда я пришел вечером в гостиницу, за считанные минуты до смерти, до того, как новый свет, Михаил Михайлович, щепнул мне: «Матвей ничего не нацепил. Победишим опозорие, когда гости разойдутся».

— И вам было?

— Даже не возможно возможного. Калугин спросил у егеря, напал ли он золото. Тот отказался и, воспользовавшись первой же возможностью, убежал Калугина.

— А почему не вас?

— Это понятно. Калугин не называл мою фамилию, и у Матвия сложилось впечатление, что он единственный, кто знает о золоте.

— Резонное предположение. И никак он удастся?

— Что ему оставалось делать?

— Но как попал в убийце нож, вы не представляете?

— К сожалению... Товарищ майор!..

— Минуты, Олег, — прервал Мазин. — Остаповиком Матвия с разрешения Дмитрия Ивановича. Зачем стреляли в меня и кто, по-вашему?

Олег едва успел заморгать, но Мазин не ждал ответа.

— Не знаете. А что случилось с Демьянчиком?

— С пасекником?

— Да. Почему он умер?

— Первый раз слышу.

— Охотно верю. Всему, что вы говорили, верю. Но смотрите на меня, как на противника. Вы сообщили много интересного. Хотя я и покорнился. Дмитрий Иванович еще вон вспомнил о золоте, и я, занимаясь с фактами, и тогда о нем вспомнил необходимость побеседовать с вами подробнее.

— Но мои обвинения против Филиппенко вы игнорируете?

— Напротив. Я согласился им с тем, что вчера вам удалось пронести на Красную речку, и это подтвердило ваши подозрения. Существуют и другие обстоятельства, чтобы задержать Матвия. Не распаршивайтесь мысли, потому что думал он не только о подмененном пуле.

— Несомненно, — присоединился Сосновский. — Помимо прочего, он незаконно хранит немецкий карabin.

— Возможное сопротивление? — спросил Волков.

— Если мы не онемели, — проговорил Мазин. — Я видел его сына возле дома, а онко открыто...

Он обнялся. В доме Филиппенко они застали только рыжеволосую жену егеря.

— Говорила я ему, изверги, — кричала она визгливо. — Не доведет тебя лихость до добра! До стрельбы, живодер. На кого ж ты нас с детьми бросил?

— Где ваш муж? — спросил Мазин по возможности мягко.

— В гареме. Как вертолет прилетел, как увидел ее в машине, затряслась весь, а тут Колька бежал: папка, за тобой! Он фуфайку настяла, озянины вилленой нахлал в сумку и через речку поднялся.

— А Николай где?

— В сарае речет. Вонится показаться.

— Ладно. Не расстраивайтесь раньше времени. Борис! Отайди пуль Дмитрию Ивановичу и расскажи о наших похищениях. А мне хочется с мальчиком потолковать.

И он пошел через двор к сараю. Там на бешенстве ворчал курица Коля.

Игорь Николаевич провел пальцами по его извилистым вихрам.

— Ревеш?

— Быть?

— Кор?

— Очкотного. Подстегну в лесу и убью.

— Этим отцу не поможешь. Навредишь. Самого арестуешь.

— Пуст...

— Нельзя, пионер!

— Пусты!

— А я сказал: нельзя. Дело есть.

Коля поднял глаза. Они быстро заплывали слезами.

— Какой ты голубопёлый! Ваткин-са, возьмите платок. Да человек откуда тащусь помочь могу — я и ты. Если тебя задержат, мне вдвое труднее станет. Поэтому кропивко место отложи

до лучших времен. Сейчас работать нужно. Как думаете, отец уйдет или поблизости скрываться будет?

— Николай нахмурился.

— Нужно мне доверять. Иначе нельзя. А я тебе. Далеко отец?

— Не уйдет он...

— Тогда договор такой, вернее, задание. Неторопливо минуты, отправляясь из гостиницы. Наверное, я не буду на него смотреть. За то, что патронты, отпустить жулика. Ленинго я не допущу. Пусть посидит день-два в лесу. Важно, чтобы ты знал, где. Я буду под рукой, чтобы я мог с отцом съязвить, когда потребуется. Все запомнишь?

— Запомнишь.

— Доверяешь? Если нет, можешь отказатьсь. Мазин дотронулся до груды сложенной летней одежды.

— Потом коров бывал, а у вас тут тепло.

— Папка тоже. Что-то делал в сарае.

— Да... вот еще. Всомы, отдал отцу.

Игорь Николаевич держал в руке гильзу.

— Это... та, да?

— Она. Передай в знак доверия. И возвращайся побистре!

Он проводил взглядом мальчика, побежавшего через поляну к речке, направился в поселок.

Игорь Николаевич!

Где ты нахвастру, ступая по непросохшей траве мокрыми синими кудрами.

Галочка, ты сегодня хороши выглядите.

— Благодарю, товарищ подполковник!

— Вы решите обращаться со мной официальным? А я и мечтать побордить с вами по горам, поискать эдельвейс.

— Проверяется друга майора отпустить меня домой. Мазин захлопалась. Я ж собиралась туда и обратно, а застряла.

— Возможно, я ему понадобиться.

— Зачем? Матвей ловит?

— Вы уже знаете?

— А то! Говорят, изза золота он рехнулся. Двух человек убить, чтобы же я нужен! Психонат неестественный.

— Вы верите в эту историю?

— Ты забыл, жалко же он. Всю бы не виноват, зачем бежать?

Мыслы вана, Галочки, только кажется логичной.

Странно, знаете, что? Вот видишь человека, и в голову тебе не приходит, что видишь в последний раз. Михаил Михайлович сказал иду за лампой! И верил в это. Уехал этот...

А вчера вернулся с Олегом, вечером, сунул чистые чулки, смеялся, спрашивал, «Да здравствуй», — говорил, — дедушка! Куда собираешься на ночь? А он ласково проводил, уважительно: «Матвей иду проводить, подарочек есть для него». Свергнут под мышкой держит. И ушел. Навсегда.

— Демьянчик направлялся к Филиппенко? Что было в свертке?

— Галия смолчала.

— Галия, Игорь Николаевич, про то, что в дупе воиника, рассекаясь, я в сарае на слу-жебный лад переворачивалась. Сухой вы человек.

— Может я, что в свертке было.

Мазин посмотрел на тути, утрамбовавшиеся на этот раз не на пути в долину, а сбоку, в понижении между горами.

— Это наша. Сюда не доберется. Над Красной выльется.

Он поклонился мимо пруда. Верстал стоял на лужайке, но в домике никого не было. Ни бетону, ни откоса, машина длинная фигура.

Валерий осматривал место приспешности. Художник заметил Мазина с Галиной, побежал через луг.

— Док! Постойте! Вы искали меня вчера?

— Доброе утро. Валерий! Я не доктор.

— Если я вам нужен...

— Теперь делов винились...

— Племява и на формалистинку! Если я вам нужен...

— Может быть, я вам нужен, Валерий?

— Черт с вами! Вам нужны! Всегда поворачиваетесь по-своему.

— Успокойтесь. И хтию. Вы мне тоже очень нужны, одноко и в двусмысленном положении. Вторжение в сферу чужих полномочий...

— Не будьте служакой! — перебрал. художник. — Знаю, что вы не доктор, но не представляю вас в музей. Есть в вас что-то человеческое.

— Спасибо за признание. Что ж... Поговорить стоят. Подождите меня здесь, я? Я провожу Галичу и вернусь.

— Ладно...

Рисунок Александра МЕНШИКОВА

— Уловил.

— Польша общая будет, если исчезнут некоторые коварные пятна. Кушнарев не мог убить Демьянчука. Он со мной в это время был. И зачем?

— Про Демьянчука я тоже рассказал.

— А эксперт? Забыл? Демьянчук-то в речке мертвый оказался.

— Напугал эксперта, онি�хбя.

— Бывает и такое, к сожалению. Так за что ты его?

— Первые сдали.

— А конкретнее?

— Это личное.

— Догадываешься. Но ты мне вот что поясни сначала. Помнишь, я тебе посоветовал пытать ворвани?

— Опять тайм-аут берете? Тому сбиваешь?

— Да нет, темнов и доволен. Где ты тот пла- ток взял?

— Сам удивляюсь, откуда он у меня в кармане взялся. По виду это отцовский платок, из мастерской. В краске.

— Отцовской? Не ты его вымыкал?

— Нет. Наверно, я захватил его случайно в мастерской. Но хотят убить, не помню, когда.

Да чепуха это! Зачем вам?

— Вспомни, когда ты его в первый раз уви- дел?

— Что за смысл?

— Будет и смысл, если вспомнишь.

— Я наткнулся на этот платок, когда мы с Сосниковым пошли наверх, к отцу. С пасечни-

ком. Я вышел тогда и, проходя мимо вешалки, достал его из кармана куртки. Но как он попал туда?

— Не помнишь? А потом?

— Не помнишь ничего особенного. Убедился, что он грязный, бросил в хижине. Там мы его подобрали. Вернули.

— И что?

— Однажды ничего. Где-то валяется.

— Сажу ты им не вытираш?

— Чего?

— Все. Спасибо.

Валерий покачал головой.

— Договорились. Ты и я не виноват. Так о чем вы договорились?

— Разговор с вами с пасечником о Марине Викторовне был?

— Игорь Николаевич! Откуда...

— Секрета нет. Валерий. Демьянчук говорил мне о наших отношениях.

— Отношениях? Не было отношений, не было!

Ох, мало и его ударил! Куда грязную лану пропизнул, а?

— Любите?

— Называйте так.

— Ни ожидай.

— Почему это?

— Говорят, молодежь упростила эти отноше-ния.

— Упростила? Дескать тысяч лет никто упростить не смог, а мы на глазах у вас перегра-ли? Чушь собачья. Подонки тренировали. Впро-

чем, я сам такой был. Пока не обжегся.

— Больно обожглись?

— Хоть кричи! Чего делать? Ну, скажите, что делать? Вы же все знаете! А тут воды в рот наберется. И никто не скажет. Но любят она меня. И хорошо это. Если бы побоялся совсем бы запутаться. Просто устремленность, не-переборчивость. Но из леса же я из этого Крутых, пасеничка, как шут гороховый. И все. Ничего больше не было. Да и не могло. Не знаете вы Марину.

— Трудно узять человека за два дня.

— Думаете, Марина за отца из расчета пошла? Любила она его по-своему, хотя не осознала себя, вот что. Час ее не подошел. А внутренний отъезд человека. И меня поняла, и она поняла, что за человеком, который из-за из-бороды не настоящий есть, поняла и то, что нельзя, и меня поняла эта женщина. Как Татьяна, если хотите, если смеяться не будете.

— Не буду.

— Это хорошо. Люди людьми остаются, и на-стоящими полно, и некоторые и циниками представляются. А каждый надеется сквозь ми-шуру свет увидеть, не неоновый, настоящий. Да вы поглядите! Здорово-то как!

— Марину посмотрел туда, куда противная рука Валерия, увлекая макетом, замотчилась вокруг щита солнечного спектра, нервно-динамично переходит один в другой, перекинувшись с хребта к хребту над речкой, лесом, снегоголовыми пиками, так что вершины радужи гранената там, где та-кинико-самолетные трассы, а основания упирались в видимые простым глазом расщелины.

— Хорошая примета, — сказал Мазин.

— Да вы смотрите, смотрите...

И Валерий улыбнулся Мазину, забыв на минуту тревоги, опасения, невеселые раздумья. «После такой улыбки мне придется повесить всему, что он скажет», подумал Игорь. И Мазин, покраснев, пока художник вернется на приступившую к нему скамейку.

Что вам еще хотели узнать?

И тут Мазин задал вопрос, который возник не только для Валерия, но и для него самого.

— У тебя есть паспорт?

— Паспорт?

— Ну, пусть не паспорт, любой документ, подтверждающий личность.

— Моя. Вы читали...

Валерий, как под гипнозом, вытащил затраченную книжечку.

— Это удостоверение. Правда, карточка отвалилась.

— Фотографии мне не нужны. Спасибо.

Мазин вернул удостоверение и рассмеялся.

— Я ж говорю, что радуга — хорошая примета. А теперь скажи никому, за что ты ударил пасечника?

Валерий, склонив с толку «прорвавший документов», не притягивал.

Представьте мое состояние. Отец, Марина, Патапов. Все перепуталось. А тут является этот дубхор с синхроном.

— Боду принос Демьянчик?

— Со стаканчиками.

— Зачем он пришел? Да еще с выпивкой!

Он же не пьющий.

— Не пьющий. Что-то потребовалось. Предложил выпить. Я отказался. Винчи уже немало и больше пить не хотел. Или я, чтобы заглушить себя, но напившись, превращаясь в скота не собирался. Но главное, не понравился он мне, вел себя нагло.

— Нагло! — удивился Мазин, не представляя делнического пасечника в подобном состоянии.

Не замах, разумеется, открыто, но внутренне насторожил. Развалился, наследил ботинками?

— Какими ботинками?

— Отстреливателями, грозными ботинками.

— Тебе не померещилось или сплю? — Мазин поднялся, отмакиваясь от комаров. — На мертвом Демьянчике были сапоги, резиновые сапоги, которые принес ему Борис Михайлович.

— Не мог же и так уплыть? У меня память на детали. Я же все-таки художник...

— Оставайся пока... Итак, старик раздражал тебя?

— Действовал на нервы. Вытащил бутылку, и сомневался, что я стану пить. Дальше — большие. Слушаю и ушам не верю. Заговорил о Марине.

Валерий замолчал.

— Что известно?

— Чуть плюсунье, хотя и елейное. Я ударил. Он лопнул в пузьни. И я все!

— Все так все. От удара по лицу он умереть не мог. Как дальше жить, будем, Валерий?

— В пустыню удалось. Подобно древним отшельникам. Если в тюрьму не посадите.

— Бонисье?

— Бонисье. Когда признаешься решил, не боишься. А теперь нехочота.

— Ну да, поглядывай радугу, а меня, я вижу, одни молодой клиенты спешат с чем-то проинформировать.

Мазин зевнулся, обходя встречные деревни, туда, где, нетрепливо перебирая ногами, стоял Коля Филиппенко.

— Нашел отца?

— Нашел. Верил он вам, Игорь Николаевич.

— А ты веришь?

— Ага.

— Тогда скажи мне честно, Николай. Что нашел стек вошло рабочего самолета? Вы же там вместе были?

— Да ничего мы там, Игорь Николаевич, не нашли. И дядя Миша меня расправил. Про ящики какой-то. Ему сказал: кроме портсигара, ничего мы не нашли. Честное писонерское!

— Этого портсигара?

— Ага... Его папка дяде Мише отдал. Сразу, как пришли.

— Оттого Калугин тоже спрашивал?

— Но... у меня и предупредил: «Об написании разговора Николай, отку не говори Ему обиду, но бухет».

Над ущельем блекла, размыкаясь синевой, радуга.

Окончание следует.

Сергей СМИРНОВ

ИЗ ПЕРУАНСКОГО ДНЕВНИКА

НА ЗАПАДЕ.

Человек стоит на латиноамериканском берегу Тихого океана. Здесь Запад. До того западный, что дальше уже начинается Восток.

О стране, которую мы привыкли называть не своим правильным (но первым) и официальным названием — Перу, — я буду писать «здесь» и «там», а потому, что Перу является собой пример огромных социальных единиц, характерных для всего латиноамериканского континента, и потому, в частности, что летом 1970 года земля эта была потрясена в самом буквальном и страшном смысле слова. Трагедия перуанско-кобанской войны одна из трех «Лягушек», посланных Советским Союзом для помощи Перу...

С одной стороны океана, с другой — пустыня подступают к перуанской столице Лиме. Горы были видны из окон нашего гостиницы. Невысокие, совершенно голые, хмурые, они поднимались над окраинами плоскогорья города. А он, кинувшийся на ходу, захватывающей жизнелюбия, настороженно, в пустыне, и авантюриста это домой уже забыл. Но сужину, по сухим желтым склонам, оживляли их белизной стеч и еще чахлой зеленью первых посадок.

Через несколько дней после приезда наш друж, известный перуанский историк Густаво Вальдес, сообщил, что советская делегация приглашает в город Ики, километров за четыреста от Лимы, чтобы выслушать перед студентами лекции о роли Империи в истории Южной Америки в первоуральских университетах, и только в Ики лекции продолжались, потому что незадолго до того там были бурные студенческие волнения, и, чтобы наверстать упущенное, ректор решил пропустить занятия.

Мы выехали рано утром двумя машинами. Солнце только-только вспыхнуло над горами, гор и пустынным щебнем. Горы были такими же горливыми, как и вчера, но привнесли в них пресмыкание уединенного однообразия — нечто дикое и сурьёзное красноты перуанского побережья окружал нас: редкие и колючие кусты кактусов, куны высоких пальм и, когда дорога подходила к песчаному берегу, растущие на колых се-ти рыбаков, глинистые маравиши с плоскими крипами. Иногда среди гор открывались долины с маленькими речками или искусственными каналами, досконально земледелием от давних инков.

В Ики, большом провинциальном городе, на центральной площади, затененной платанами, нас встретил ректор и несколько профессоров университета. Всегда деревенские, переплетаясь, обрашивали сплошной зеленый шатер, под которым журчал фонтан, и после проклятий безжалостным солнцем пустыни так хотелось поспать на этой прохладной площади... Но времени не было. Железная дверь.

Едва мы пересекли площадь и склону за утесом, мы увидели молодую моделей, перегородившую узкую уличку. Аллюнденто, в живой стене открывается проход, ведя за ректором мыходим в здание и тут же чрез другие двери попадаем на университетский двор.

Странно звездные первые занятия. Стены сплошь испещлены, измазаны, испаряют ложнозимы, прописаны, каким-то идиотским языком, будто краинцы издавна изучали шрифт и греки. В общем, не такие изумруды, как в Латинской Америке я уже привык и тому, что стены здесь — тоже арена политической борьбы. В Чили или Уругвае, в Перу или Колумбии — уже по дороге из аэропорта в теплое видение эту настенную скватку. Известно, что латиноамериканцы достигли высокого уровня в монументальном жанре «музарализма» — настенной живописи. Но политическая публистика, антическая пропаганда, даже любительская, не изучала ее. Пропаганда вырывалась из Майковского, улица совсем не «безязычная» — она все время молча кричит, разговаривает, спорит. Эти надписи не только отражают яростное соперничество партий, фракций и группировок в самой стране, но и порой отзываются на важные международные события.

Надписи лаконичны, громогласны, прямолинейны.

Но такого буйства настенных лозунгов, как в Ике, я не видел нигде. Тут было и «Да здравствует революция!», и «Долой капитализм!», и АПРА («Альтернативная борьба за партии»), и инциалы Перуанской коммунистической партии — ПКП, и множество иных сокращений, неизвестных нам. Большими буквами на штуцатурах было выцарапано слово «МИР» (через «и» с точкой). Впрочем, выяснилось, что это тоже сокращение — от Мовименто Иксидеро Революционарно (левое революционное движение).

На головной стене хранились следы недавних громадных событий. Доброта искривила стены, из которых вышибли. Казалось, университет выдержал длительную осаду. По существу, так оно и было. Старики разогревались вокруг личности бывшего ректора. Сторонники буржуазной партии АПРА, боязлив горожан Ики, человек реакционных взглядов, он восстановлен против себя студентов, и они потребовали заменить его более прогрессивным руководителем. Городские власти пытались убедить студентов, что это неизбежно. Тогда студенты забаррикадировались в университете. Город был обтурбирован, атмосфера накалялась. Опасалось, что выступят и рабочие, правительство города пошли на попытку: прежде ректора заменили другим, популярным среди молодежи человеком. Занятия в университете возобновились.

Окруженные ватагой студентов, на ходу раздававшие фотографии, мы прибыли в актовый зал университета. Весь зал был занят народом и на первом этаже, на подиуме, на трибунах, в каждом из которых устроились две бояры. Мест в зале явно не хватало, и многие студенты стояли вдоль стен и дверей.

Началось с того, что все встали и запели национальный гимн Перу. Так начинаются здесь торжественные собрания — хорошая традиция, воспитывающая в людях чувство гражданственности. И вновь зал был занят народом. Студенты, в том числе и мы, высыпали речью в один из дверей, затем, за спиной советской делегации, я ответил на приветствия, а Роберт Рождественский под шумное одобрение слушателей прочитал свои стихи, потом снова встал ректор и объявили... об окончании встречи.

Честно говоря, мы были удивлены. А как же диспут, вопросы хозяев о Советском Союзе и наше мнение о значении первоуральского студенчества? Так и не было времени, потому что встреча изстремилась в дверь. Нам неизвестно, почему там оказалась стала корнеты, потому что изстремилась в дверь. Тогда университетские руководители опасались, что разговор с советскими людьми может подогреть революционные страсти, которые лишь недавно угледились, то ли потому, что наступила час обеда, когда работа прекращается звонок, кроме кафе и ресторанов...

А через неделю после нашей поездки в Ики газеты опубликовали новый правительственный закон об университете, на основании которого Ики стал университетом. Теперь Технологический университет Ики стал самостоятельной единицей. Как реагировали на это студенты, нам неизвестно. Но беседы в других учебных заведениях Перу позволили нам составить свое суждение и о законе и о вузовской жизни вообще. В Перу, как и в других странах Латинской Америки, существующие университеты, как и все то, что разнится с ними, в том числе и мы, считаются государственными, частными, католическими, и все это по-разному строит программы обучения. Новый закон усиливает роль университетов в образовании, подготавливает научно-исследовательскую работу, подготовку кадров. Но он же ставит университеты под жесткий контроль властей, поддерживает вузовскую автономию, которая является одним из важнейших демократических завоеваний в латиноамериканских странах. Закон этот дает право чиновникам увеличивать преподавателей за их общественно-политическую деятельность, что ставит под угрозу прогрессивную часть профессуры. Но это решено умозрительно и представительство студентов в университете самовыправляет.

Но от этого в общем-то частного случая я хочу перейти к событиям более широкого плана. Последние годы показали, что студенчество в

ДЕ НАЧИНАЕТСЯ ВОСТОК

страны, капиталистической Франции, спрятавшейся к действию молодежь весьма остро реагирует на уродства жизни и особенно воспринимая к революционным идеям. Но лишился жизненного и политического опыта, не всегда способная трезво и спокойно оценить обстановку, она недостаточно становится жертвой «пр-революционных» фраз и, побуждаемая левизнами политиковами, бросается в авантюры, которые дискредитируют саму революционную идею. Это не в боевой струе, относится к молодежи и студентству южноамериканских стран, где в обычном качестве молодости прибавляется огненный латинский темперамент.

Однажды нас пригласили в дом видного перуанского художника. Его сын, юноша лет двадцати, учился в местном университете. За обедом парень хлебнул лишнего и, к немалому смятению отца, опускавшемуся обидеть нас, советовал отнести к себе убежденным сторонникам мозгов.

Мы не боямся умереть, я не боясь смерти — воскликнул он.— Но так, как живет наш народ, больше жить нельзя!

Ему нельзя было отказать в глубокой искренности, в сердечном сочувствии перед своим народом, и все же, слушая его, мы думали о том, как важно направить в первое русло революционные порывы молодежи, вооружить ее знанием, создавать образованную борьбы, дабы силы не расходились: поиски под влиянием политических спекулянтов.

Впоследствии в Лиме и в Москве мне довелось встречаться с генеральным секретарем Перуанской коммунистической партии товарищем Хорхе дель Прадо, и он много рассказывал о том, как настойчиво работает с молодежью коммунисты в его стране.

Либо в Лиме, либо в других городах, даже, пожалуй, министерий, с коротко остриженными седыми волосами, с легкими двинутками и неторопливой речью, он становил на себя внимание пристальным взглядом серо-голубых глаз, умных, добрых, немного грустных. Понапачу он производил впечатление человека чуточку не заастичного, и лишь разговор с ним раскрывал личность крупного общественного деятеля, бывшего первого министра иностранных дел почти 14 лет, автора в тюрьмах и концлагерях и не один год занимавшего пост генерального секретаря Перуанской коммунистической партии.

Хорхе дель Прадо родился на юге Перу, в втором по величине городе страны — Ареакине, в семье адвоката, который занимался политикой, стал сенатором, а потом префектом в Лиме и Ареакине. Отцу предшествовал в должности антиколониальный герой, борющийся за кончины эпохи испанской колонизации. Мать же, напротив, сначала была ревностной католичкой, а потом, много позже, разделась коммунистические убеждения сына.

На все жизнь сохранил Хорхе дель Прадо одно воспоминание детских лет. Ему шел восемнадцатый год, он учился в школе первой ступени. На каникулы он увлекся узами в деревне. Как-то раз наподалеку от дома, где он учился на коре дерева с помощью Понтиана, ровесника Хорхе, бесцеремонно пытался поднять угряное животное. Появился помощник, хозяин малчика и осла, и пристало спорить оба скотин. Видно, нариек призмы к побоюм: он даже не плакал, а только стяжалась под ударами и все тянула, тянула осла. А другой, коротко одетый сырый малчик, с испугом наблюдавший за всем этим, из-под глаза потекли слезы. Для товарищей Хорхе умерла в полнолуние змея, сам он заболел острой формой ревматизма, и только молодость и природное здоровье помогли ему выжить. Но видели его ждали еще более тяжелые испытания. Группу коммунистов отправили в глубину тропического леса — сельцы, в кониагеры, который для пущего издачества назывался «Матеръ боясь». В этих густых местах дель Прадо провел два года и сумел бояться оттуда вместе с тридцатью другими заключенными. Четыре месяца они шли через лесной тропи-

канес, и Хорхе дель Прадо шел в армии. Идеи протеста и борьбы проникали и в военную среду, в армейской школе была группа молодежи анархистского толка, и Хорхе дель Прадо присоединил к ней. Там же, в школе, ему попал в руки перевод книги В. И. Ленина «Пролетарская революция и революция Кутузовский». Знакомство с ленинским трудом хотя и не свернуло Хорхе дель Прадо с анархистскими позициями, но оставило его на них.

Вскоре он покинул военную школу и пришел в отцовский дом, в Ареакину. Будучи вспомогательным способным к живописи, дель Прадо присоединяется к группе местных художников, которых под влиянием мексиканских «мураллистов» создавали большие настенные панно социального содержания. Они писали эти панно на деревянных щитах, которые сами же носили по городу. Однажды в Ареакине в художественной мастерской борьбы открылась выставка, где были и книги В. И. Ленина. Идеи марксизма все больше овладевали им и все более открыто проявлялись в творчестве Хорхе дель Прадо и его друзей. Однажды, когда они искали по улицам нового панно, полиция арестовала их и доставила в префектуру. Тот весьма грубо обищел с задержанными, дель Прадо всхлипал, сказал таинственно: «Это я — Хорхе дель Прадо».

После этого его борьба была окончена. В то время не странихов журнал «Амазон» шла полемика между марксистами и революционистом Айя дель Торре. В споре о том, что нужно создавать — партию рабочего класса или некий надклассовый союз, дель Прадо и его товарищи без колебаний встали на сторону Мартинеса. В 1929 году они вступили в только что созданную коммунитатскую партию, в которую вошли представители беспорядка в Лиме, где ему, как самому молодому, поручили вести работу с молодежью — он стал первым генеральным секретарем перуанского коммунистической партии.

В то время не странихов журнал «Амазон» шла полемика между марксистами и революционистом Айя дель Торре. В споре о том, что нужно создавать — партию рабочего класса или некий надклассовый союз, дель Прадо и его товарищи без колебаний встали на сторону Мартинеса. В 1929 году они вступили в только что созданную коммунитатскую партию, в которую вошли представители беспорядка в Лиме, где ему, как самому молодому, поручили вести работу с молодежью — он стал первым генеральным секретарем перуанского коммунистической партии.

Засиживаться в столице не приходилось: наступили годы мирового экономического кризиса, разверзлись борьбы рабочих за свои права, вспыхнула большая забастовка. Хорхе дель Прадо сразу представил партии в стачечники. Там, в Морокко и окрестностях, под его руководством возникли десять профсоюзов, профсоюзы начали профсоюзной федерации горняков Перу.

В разгар этих событий умирал основатель коммунитат Мартинес. А еще через несколько месяцев в августе 1930 года, к власти в стране пришла военная хунта, и Хорхе дель Прадо, как и многие другие, был арестован и отправлен в тюрьму. Две товарищи его освободили. Но когда колония рабочих вышла встречать их, появились войска, открыли огонь. Хунта немедленно распустила профсоюзы, ввела особое положение. Революционное движение пролетариата не получило поддержки у крестьянства и было подавлено. Дель Прадо и другие члены рабочего движения были вынуждены бежать в тюрьмы. Для товарищей Хорхе умерла в полнолуние змея, сам он заболел острой формой ревматизма, и только молодость и природное здоровье помогли ему выжить. Но видели его ждали еще более тяжелые испытания. Группу коммунистов отправили в глубину тропического леса — сельцы, в кониагеры, который для пущего издачества назывался «Матеръ боясь». В этих густых местах дель Прадо провел два года и сумел бояться оттуда вместе с тридцатью другими заключенными. Четыре месяца они шли через лесной тропи-

ческий океан, теряя голову, спасаясь от диких зверей, ядовитых змей и насекомых. Трое погибли в пути, многие заболели, но наконец была пересечена боливийская граница. Оттуда — в Бразилию, и далее кружным путем нелегальное возвращение в Перу.

Начались годы подполья. Работа осложнилась и тем, что руководство партии было организовано в Бразилии, и там находились ее члены, члены партии, которые не хотели, ни выбирать.

В 1937 году Хорхе дель Прадо, работавший секретарем областного комитета партии в Куэско, формирует там группу добровольцев для помощи республиканской Испании, а сам вновь оказывается в тюрьме. Но свободу он выходит лишь в 1942 году и сразу же включается в борьбу против предателей в партийном руководстве, которые в частности, пытались избрать борьбу с борьбой за социальную справедливость, а также против политических активистов лишь внутренним делом СССР. Однако подавляющие большинство членов коммунитат требовали начать широкую кампанию в стране за оказание моральной и материальной поддержки советским людям. В итоге эта борьба привела к исклюению революционных из партии.

Только в марте 1942 года, спустя 12 лет после изгнания из страны, Мартинес вернулся в нее, поскольку в своем время I союз Перуанской коммунистической партии. Он проходил в Лиме в полугодовой обстановке, и хотя программа и устав были еще несовершенными, все же удалось избрать демократическим путем Центральный Комитет, генеральный секретарь которого стал рабочий Хорхе Альварадо, и определить дальнейшую политическую линию. Хорхе дель Прадо занял пост заместителя генерального секретаря коммунистической партии. С этого времени началась новая политическая эпоха в истории перуанских коммунистов.

С сезда проходил в 1946 году уже легально, поскольку власты в стране находились либеральное правительство. Но III сезда вновь обнаружил подполье: Перу господствовала новая военная хунта, и коммунитат опять был запрещен. Нелегально работал и IV сезда в 1962 году, и это продолжалось до 1966 года. Но в 1966 году, когда эта хунта была свалена, и на пост президента пришел Альварадо, началась еще одна борьба, был то в тюрьме, то в глубоком подполье. В 1966 году пленум ЦК избрал его генеральным секретарем, а V сезда партии, собравшейся в 1969 году уже вполне легально, после прихода к власти хунты генерала Беласко Альварадо, подтвердил эти избрания.

Коммунитат не сразу определил свое отношение к новому правительству. Но Юго-Перуанское землетрясение привело в настоящий огнедышащий: раньше переворота всегда сопровождалась репрессиями против прогрессивных сил и прежде всего — коммунистов. Но как только стало ясно, что хунта генерала Альварадо вступает на путь борьбы против всевластия североамериканских монополий, за утверждение национальной экономики, за независимость политики, коммунитат занялся с остервенением борьбой за свою программу в этом направлении. Может быть предвидеть: если новые власти будут руководствоваться интересами народа и страны, они неизбежно придут к реформам, которых требует программа коммунистов. Такие надежды уже оправдываются. И национализация имущества «Интернейшнел Петролюм компании», и закрепление за национальной экономкой производством рыбной муки (Перу — это страна с изобилием рыбных богатств), реформы в деревне, в контроле над ценами на предметы первой необходимости, и возвращение к бесплатному обучению в школах — все эти меры, проводимые правительством Альварадо, диктуются развитием экономики страны, и за осуществление их всегда боролась коммунитат.

Растут влияние и роль Перуанской коммунистической партии. Но, хотя она вышла из подполья и работает легально, борьба, упорная и решительная, продолжается. Борьба против империализма и реакции, против антикоммунистических сил в стране, против авторитарных левых экстремистов.

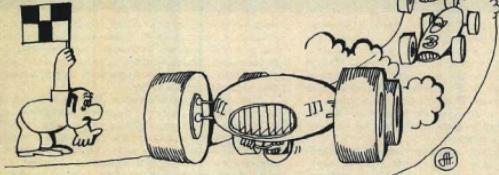

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

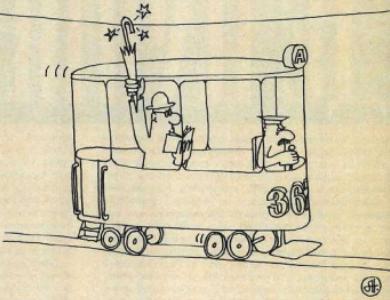

Рисунок Владимира ГЕРМАНА

Рисунок Николая КАЛУГИНА

В.Герман

В четырнадцатый раз национальное «Советское традиционное здание» стало официальным участником олимпиады своих читателей — шахматистов «Смены».

Программа новой олимпиады составлена с учетом пожеланий участников аналогичных земельных сессий минувших лет. В пяти турах планируется предложить много интересных и разнообразных заданий. Все они, разумеется, задачи для любителей познаний в практики, организации туризмом, конструированием и конструированием национальной партии, конкурсом прогностических идей, тенденций на мировой перспективе — вполне доступны любому юному поколению, на котором, собственно, и говорят и рассчитываются.

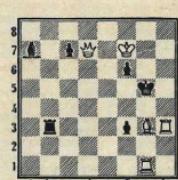
Участники олимпиады могут получить в каждом турах максимальную оценку в

20 баллов. В случае, если вы обнаружите побочную, не учтенную автором ответ или неправильный, то в вашу заявку будет вписано только 18 баллов, а сама обработка будет считаться обработкой для правильного решения данной композиции. Таким образом, максимальное количество баллов для участника, безусловно, не выходит за пределы заявленных турнира — 100.

Победители олимпиады — члены «Смены», удачливые выпускники школы, гродовцы, дипломанты, гордые подопечными «Смены», с его авторограммой.

Дипломами и шахматным первенством награждаются участники, занявшие последние места, а также группы лучших организаторов турниров олимпиады, тем удачливым, кто сумел не забудь ставить пометку: «На шахматную олимпиаду». Наши олимпиады прошли: Москва, А-15, ГСС, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Смена».

ПЕРВЫЙ ТУР ВОТ ТАК ЗАДАЧА!

Белые начинают и дают мат в два хода (за правильное решение этой композиции присуждается 3 балла).

II

Белые — Крап. Фd3, Лe8, Сa8, Кf7, пп. b6, с4, Кf6, с3, Кc5 — Крс, фd7, Лe8, Кb4, Кc5.

Белые начинают и дают мат в три хода (3 балла).

ЭТОД — ВСЕГДА КРАСИВО!

Белые начинают и делают мат в один ход (4 балла).

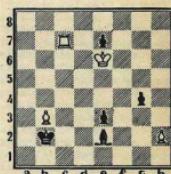
II

Белые — Крап. Лg4, Лe6, пп. a5, b5, с5, d5, е5, f5, g5, h5.

Черные — Крап. Фb5, пп. a6, b5, с4.

Белые начинают и выигрывают (3 балла).

КАК БЫ БЫ СЫГРАЛИ?

Ход черных. Как, по вашему мнению, должна закончиться борьба в этом эндшпиле? (4 балла).

II

Белые — Крап. Фd1, Лa1, Лb1, Сd3, Кc3, Кb3, пп. a2, с2, d2, e2, f2, g2, h2.

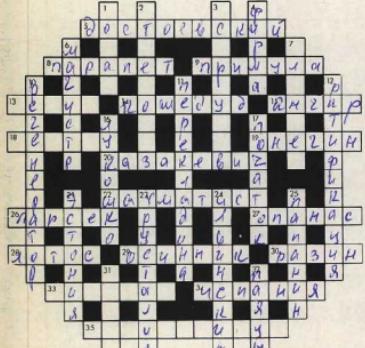
Черные — Крап. Фd8, Лe8, Сb8, Сc7, Кb2, пп. a7, b7, c7, d7, e7, f7, g7, h7.

Какой комбинации белые добиваются в этой позиции финальной победы?

Не забудьте о том, что срок отправки писем на посыпку олимпиады истекает 1 марта 1971 года (по почтовому штемпелю).

КРОССВОРД

Составил А. СОТНИКОВ,
г. Кузнецк Пензенской обл.

По горизонтали:

- Русский писатель. 8.
- Населенный пункт, перпиль. 9.
- Весенний праздник. 13. /Доминиканский-переводчик. 14. /Летчик-передвижник. 15. /Летчик, трижды Герой Советского Союза. 16. /Место для стоянки и ремонта самолетов. 18. /Бывший Президент. 19. Герой романа в стихах А. С. Пушкина. 20. Автор повести «Земляк». 22. Сокровищница. 23. Единственный рассказанный в астрономии. 27. Герой промышленности Башкортостана. 28. Водное растение семейства нутинниковых. 29. Легендарный герой, руководитель крестьянской войны в России в XVII веке. 33. Остров в Малом Каспийском бассейне. 34. Городство на юге Европы. 35. Государство в Европе. 35. Коренное население островов в центре Тихого океана.

По вертикали:

- Промысловая рыба северного кефалей. 1.
- Помощник. 2.
- Городничий-переводчик. 3.
- Крупное производственное объединение. 4.
- Ученая степень. 7.
- Высокотехнологичный аппарат. 10.
- Гимнастический склад. 11.
- Утверждение международного договора высшим органом государственной власти. 16.
- Корзина для грибов и ягод. 17. Советчица. 21.
- Союзная советская республика. 22. Глава государства. 24.
- Народный артист СССР. 25.
- Полярник, драматург Герой Советского Союза. 31.
- Частица электромагнитного излучения. 32. Опера Р. Леонинавалло. -

СИНЯЯ ВОДА

Слова Юрия ЭЙТИНА

Музыка Владимира ШАИНСКОГО

Синяя вода —

Поп не бледа,

Без конца и края...

Синяя вода,

Ты спешишь куда,

Ты спешишь куда!

Там, где волны сильные,

Плещется всегда,

К морю синему

Поскорей неси меня,

Поскорей неси меня,

Синяя вода.

Ты спешишь куда,

Ты спешишь куда!

Припев:

Ивы клонятся,

Клонятся до пояса,

И звучит вполголоса

Песня ветерка.

К морю синему

Поскорей неси меня,

Поскорей неси меня,

Синяя вода.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

- «Ярмарка». 8. Солнце. 9. Рыбаки. 10. Висторина. 13. «Маска». 17. Зарядка. 18. Артук. 20. Ювенал. 21. Оттава. 22. Кларнет. 23. Анаис. 24. Гнесин. 25. Руслан. 26. Гольдони. 28. Автограф. 34. Знекеско. 35. Дистор. 36. Орбиты. 37. Орбита.

По вертикали:

- Петинца. 2. Омнитет. 3. Драппи. 4. Маринад. 5. Портос. 7. Жигули». 11. Сарабанд. 12. Вахтангов. 14. «Альбино». 15. Давидури. 16. Веерист. 17. Записка. 18. Девица. 27. Лоджийный. 30. «Волевод». 31. Регата. 32. Сельдь.

1.

5
на раз
мышь
ни

Какую трассу дол-
жен избрать води-
тель автомобиля, по
чтобы из лабиринта проехать только по
одному разу?

На нацине четыре
части следует раз-
брать, это можно
чтобы достичь из
них квадрат?

2

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 1

1.	1 2 4 3
2	2 3
3	1 4 5
4	2 3
5	1 4 5
6	1 2 3
7	4 5

1.	2 3
2	1 4 5
3	2 3
4	4 5
5	1 2 3
6	4 5

1.	2 3
2	1 4 5
3	2 3
4	4 5
5	1 2 3
6	4 5

3. 13 окружностей

ЗРЕЛОСТЬ

Зрелость человека определяется не только прохождением горячего и замершего становления его как творческой личности. Леонид Курзеннов по возрасту из самой грани «аварийного» цикла: ему тридцать четыре года. Но молодой художник уже давно признан мастером своего дела. В 1955 году Леонид занял первое место в художественно-демонстрационном отделении ВГИКа, где он учился у таких известных художников театра и кино, как М. Богданов, Ю. Пименов, Г. Масиников, Ю. Богословский, получает распределение на студию «Ленфильм», и с тех пор его творческая биография связана с самыми разными фильмами, выходящими не только в Ленинграде, но и в Москве.

РЕПАР. Гуашь.

МУРМАНСК. БЕЛАЯ НОЧЬ В ДОКЕ. Темпера.

ТРУДНАЯ ВАХТА. Гуашь.

В ПОРТУ. Литография.

На выставке «Сцены мы познакомились с тем, что составляет «вторую любовь» художника: это тоже связано с изобразительным искусством, но не имеет той заданности, которая требуется для кинорепортажной или театральной постановки. Здесь художника вдохновляет и сложность философских размышлений о жизни и человеке и позы груза рабочих докеров, рыбаков. Диалоги тем, разрабатываемые Л. Курзенновым, неограничен, свободен, и это выражается в многочисленных симпатиях художника, человека, привнесших в мир культуры, а потому прежде всего уважающего труд других людей. Так появлялись листи «Трудная вахта», «Рыбаки Арава», «Ночная вахта», литографии «В порту», «Мурманск. Белая ночь в доке» (темпера) и многие другие.

У Леонида Курзенкова своеобразная манера раскрытия темы: рабочую тему он решает пластически-динамичным способом. Глаза художника отмечены не только краской, структурой, но и линиями лица, глазами, носом, ртом, руками. Игра красок. Такие работы Л. Курзеннов выполняет с искренним удовольствием, с любовью, так же, как, например, и оформление колонны демонстрантов Бабушкинского района в Москве. В этом — его грандиозность, его авторская позиция.

Литографии всегда «выдаются» художника: хорошо они, но не всегда одинаково. Одни не требуют случайных эффектов и требуют особого внимания мастера. Это проба на зрелость. И, судя по многочисленным отзывам посетителей нашей выставки, можно сказать, что Леонид Курзеннов со своей задачей справился. «В его работах есть та особая пронизительность, которая заставляет о них думать и по памяти находить в них те детали, которые, кажется, даже не заметил при осмотре», — спрашивали посетители один из посетителей нашей выставки.

Наталья ДМИТРИЕВА